

История девушки, которая однажды
нашла в себе силы, чтобы
оставить прошлое позади
и стать аргоси.

А

ПУТЬ АРГОСИ

Себастьян де Кастелл

А

Творец Заклинаний

Себастьян де Кастелл

Путь аргоси

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9 (71)

ББК 84(7Кан)-44

де Кастелл С.

Путь аргоси / С. де Кастелл — «Эксмо», 2021 — (Творец
Заклинаний)

ISBN 978-5-04-162071-4

Фериус было всего двенадцать лет, когда джен-теп убили родителей и сожгли её деревню. Маги джен-теп расправились бы и с ней, но девочке удалось спастись. Жизнь походила на кошмар – лохмотья вместо одежды, постоянная нехватка воды и еды. Но всё меркнет перед ужасным заклятием, которое наложили на Фериус маги джен-теп. Теперь все люди через некоторое время после знакомства начинают испытывать к ней такую жгучую ненависть, что готовы её убить. Девочка уже привыкла к одиночеству, к тому, что одна против целого мира. Но однажды у трактира, измотанная жарой и жаждой, она встретила таинственного господина в приграничной шляпе. И это навсегда изменило её жизнь и судьбу. Того господина звали Дюралл Аргос... Приквел серии «История утраченной магии».

УДК 821.111-312.9 (71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-162071-4

© де Кастелл С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог. Хорошая девочка	7
Рыцарь / Захватчик	12
Глава 1. Могилы	13
Глава 2. Рыцарь	16
Глава 3. Охотница	20
Глава 4. Пещера	23
Глава 5. Честь	26
Глава 6. Отвага	27
Глава 7. Свеча	29
Глава 8. Сострадание	30
Вор / Скупердяй	33
Глава 9. Отверженная	34
Глава 10. Пальто	37
Глава 11. Встреча	40
Глава 12. Суд милосердия	42
Глава 13. Суд поединком	46
Глава 14. Tuta a lebat	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Себастьян де Кастелл

Путь аргоси

Хизеру Адамсу, следующему Путём Слов и Причуд – истинному аргоси, чья извилистая дорога всегда приводит в неожиданные и удивительные места.

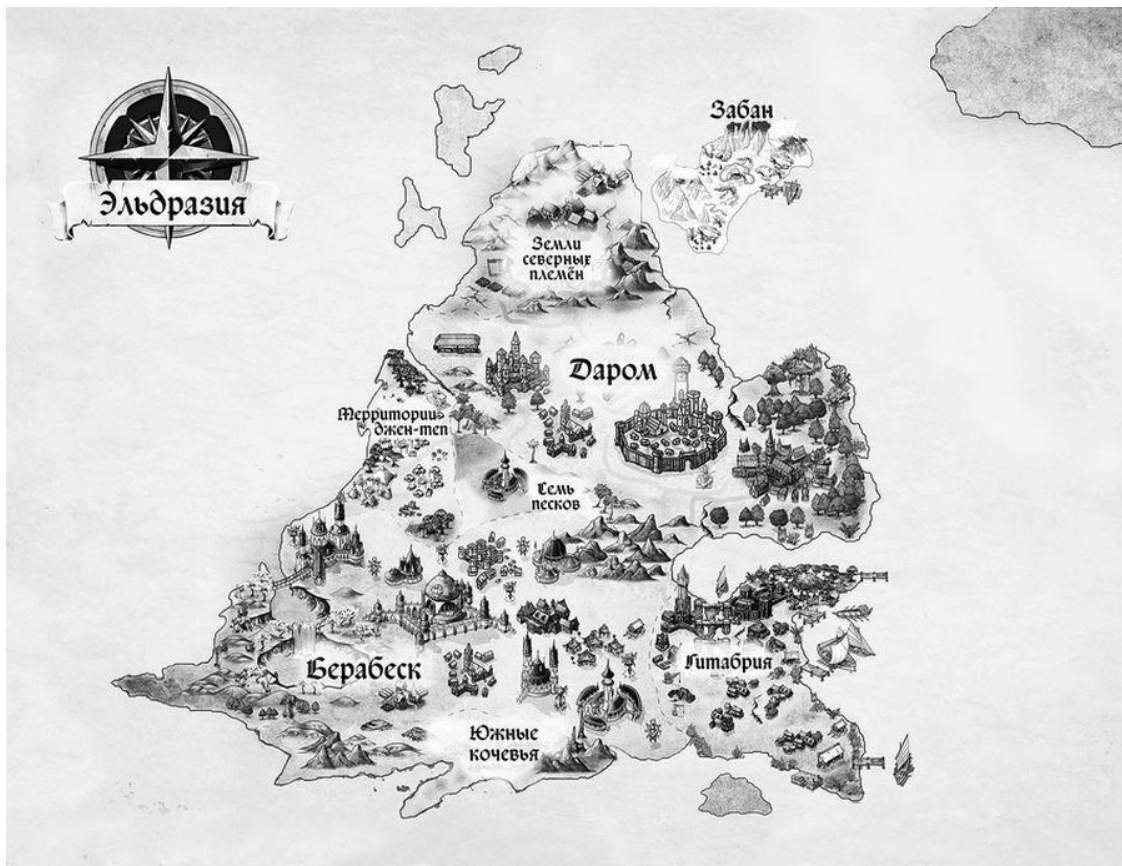
Sebastien de Castell, Sally Taylor (ill.)
WAY OF THE ARGOSI

Copyright © Sebastien de Castell, 2021
Inside illustrations copyright © Sally Taylor, 2021
Map by Farhad Ejaz

Originally published in the English language in 2019 as «WAY OF THE ARGOSI» by Hot Key Books, an imprint of Bonnier Books UK

Published in Russia by arrangement with
The Van Lear Agency and Bonnier Books UK
The moral rights of the author have been asserted All rights reserved.

© Куклей А., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог. Хорошая девочка

А теперь будь хорошей девочкой.

Люди всегда мне так говорят. Каждый раз, когда жалкие остатки нашего племени приходят в очередную деревню или город, прося приюта, какой-нибудь незнакомец гладит меня по голове и говорит: «Будь хорошей девочкой». Разные голоса. Разные языки. Но всегда одна и та же фраза, как призрак, который следует за мной, куда бы я ни пошла. Госпожа изобретательница в одном из блистательных городов Гитабрии с улыбкой произнесла это на своем мелодичном наречии:

– Suvй onta bella jаnda.

Будь хорошей девочкой. Что на самом деле означало: «Улыбайся, выгляди милашкой и помалкивай».

В землях Забана, далеко на севере, воин-поэт (в Забане всех называют воинами-поэтами), подошёл к делу гораздо серьезнее. Он насупил брови и нахмурился.

– Nanging isang bubutay bamba.

Будь хорошей девочкой.

Он имел в виду, что мне следует быть мудрой, бдительной и – главное – помалкивать.

Молчание – здесь сходятся абсолютно все.

То же самое твердит мне сейчас эта добрая старуха с тонкими прядями седых, тёмных от копоти волос, прилипших к коже лба. Несколько минут назад её задело огненным заклинанием. Оно вдавило старую женщину в бездыханные тела соседей. У неё раздроблено плечо, а рука безжизненно висит вдоль тела. И всё-таки она шепчет мне сквозь сломанные зубы:

– Тсс... А теперь будь хорошей девочкой.

Трудно быть кем-то другим в этой тёмной сырой пещере, куда она меня затолкала... Пещера расположена возле пыльных развалин городка на окраине Семи Песков. Снаружи септет (это семеро, если вы не знаете) боевых магов джен-теп заняты истреблением остатков моего клана. Я слышу крики и мольбы о пощаде, но маги убивают людей одного за другим.

Вероятно, они могли бы сжечь нас всех одним большим заклинанием, но, судя по тому, что я видела, маги – в основном подростки. Полагаю, они просто выпендриваются друг перед другом.

Скоро они поймут, что я спряталась здесь, и придумают для меня особенно неприятное заклинание. Впрочем, может быть, мне не о чем волноваться, поскольку у доброй старухи, заталкивающей меня всё дальше и дальше в пещеру, есть план.

«Тс-с... А теперь будь хорошей девочкой».

Отличный план, сударыня. Мне хочется сказать ей, что ни один медек никогда не приказал бы одиннадцатилетнему ребёнку помалкивать. А ещё ни один медек не назвал бы меня «девочкой». Лишь когда нам исполняется тринадцать, мы встаём перед племенем и рассказываем всем, кто мы такие и каковы внутри. Я должна найти духовное животное – зверя или птицу, – которое станет моим спутником в этом мире, будет нашёптывать советы, помогая двигаться по жизненному пути. Но как духовное животное услышит ваш зов, если вы всё время молчите?

Медеки всячески одобряют, когда дети шумят и разговаривают разумом и сердцем (даже если взрослые их не слушают). Слова и песни привлекают проходящие мимо стада духов, и они чувствуют родственную душу, с которой хотят воссоединиться.

Но у меня никогда не будет духовного животного. Я никогда не выберусь из этой пещеры. Не важно, сколько раз милая старушка пробормочет: «Будь хорошей девочкой», это ничего не изменит. Доброта ни разу не спасала изгоя-медека от магов джен-теп. Несмотря ни на что...

Сейчас я вспоминаю об этом. Я лежу, свернувшись клубком и пытаюсь стать как можно меньше. Меня окружают тлеющие трупы горожан – людей, которые заползли в пещеру, когда заклинания железа и огня начали разрывать их тела на части. А умирающая старуха... да нет, я почти уверена, что она уже мертва.

Указательный палец её здоровой руки по-прежнему прижимается к губам, словно даже в смерти она напоминает мне: надо молчать. Мой народ – единственный на континенте, кто не ожидает, что их молодёжь будет вести себя тихо. Интересно, есть ли связь между этим фактом и тем, что нас осталось так мало? Может, наша проблема в том, что мы просто не научились вовремя затыкаться?

Снаружи доносится боевой клич одной из наших воительниц. Она нападает на магов, кричит на них на нашем старом языке. Мы больше не говорим на нём даже между собой, потому что те люди, которые дают нам пристанище, чувствуют себя неудобно. Маги джен-теп, охотящиеся за нами, считают, что наш язык – наречие демонов. Они уверяют, будто мы используем его, чтобы пробуждать адских тварей и убивать своих врагов...

Какая жалость, что это неправда!

Я понимаю, что воительница умерла, когда слышу грохот огненного заклинания и вижу отсвет вспышки. Я представляю дождь из золотых и синих искр. После него всё вокруг выглядит так, словно промчался ураган. Мне даже хочется выбежать на улицу, чтобы увидеть чудеса магии джен-теп. Я знаю, что должна ненавидеть её, но цвета, свет и их замысловатые движения – это красиво. И если уж тебе всё равно конец, не лучше ли умирать, глядя на что-то прекрасное?

Слишком поздно. Крики прекратились, и всё затихло. Интересно, была ли погибшая воительница последней из моего клана? И был ли мой клан последним из всех, что остались от некогда великого племени медеков? Я одна?

– Сожгите тела, закопайте пепел, – слышу я голос одного из магов.

Он старший, главный. Но более всех я ненавижу не его. Тот, кого я ненавижу, моложе. Ему лет шестнадцать. Он такой же высокий, как все они, широкоплечий и, в отличие от других, у него под мантией, кажется, есть мускулы. Он не улыбается, когда поднимает руки, делает все эти странные жесты и призывает на наши головы огонь и молнии. Он не смеётся и не шутит, когда мы умираем.

Остальных я ненавижу так, как можно ненавидеть холодную зиму или острый камень, порезавший тебе ногу. Маги жестоки, у них уродливая душа. Они чудовища. Но этот, он понимает – где-то внутри себя, – что поступает плохо. Он человек. Как я. И всё равно убивает.

Я не знаю его имени, потому что когда маги джен-теп выполняют боевое задание, то они называют друг друга по прозвищам. Например, Железный Змей или Янтарный Лис. Этого парня зовут Тёмный Сокол.

Однажды я убью Тёмного Сокола.

Хотя вряд ли. Я ведь скоро умру.

Новые вспышки заклинаний освещают воздух снаружи пещеры. На этот раз они другие. Не короткие раскаты грома, а беспрестанный треск пламени, которое срывается с ладоней магов, словно их руки – вулканы, наполненные лавой. Почему для них так важно, чтобы от нас не осталось и следа?.. Я слышу, как некоторые маги жалуются на запах горящей плоти и костей. Двоих парней тошнит; их заклятия рушатся, когда они теряют концентрацию. Потом главный – командир – орёт на них, и они начинают процесс заново. Скоро он пошлёт кого-нибудь в пещеры, на поиски выживших. И они найдут меня.

– Пожалуйста, пощадите! – кричит кто-то.

Не из моего народа, разумеется. Я почти уверена, что все наши мертвы. Тем более мы знаем, что джен-теп бесполезно молить о милосердии. Должно быть, один из городских жителей, которые нас приняли, упрашивает сохранить ему жизнь.

– Мы не знали, кто они такие!

Неправда. Мы никому не лгали о том, кто мы такие. Хотя, может, стоило бы...

– Они вызвали демонов, чтобы заставить нас укрыть их!

Полная ерунда. Сколько бы джен-теп ни твердили, что мы используем демоническую магию (именно поэтому они начали убивать нас триста лет назад), мы не умеем вызывать демонов. Я это знаю, потому что тысячу раз пробовала.

– Мы только притворились, что готовы их приютить – и сразу же кинулись за ва...

Забавно, но маги убивают его ровно в тот момент, когда он наконец-то говорит правду. Мой клан слишком долго оставался в этом маленьком городке в Семи Песках. Видимо, один из горожан отправился к ищейкам джен-теп, которые потом привели боевой отряд прямо к нам.

Никогда не задерживайтесь на одном месте слишком долго – вот что говорят медеки своим детям. Это же сказали мне отец и мать перед тем, как погибли во время рейда джен-теп. Тогда маги уничтожили половину нашего клана.

Я до сих пор помню выражение лиц родителей, помню, как они были напуганы. Почему же я не боюсь? Я умру здесь, в этой тёмной пещере, не увидев больше ничего, кроме мёртвой женщины, прижимающей палец к застывшим губам. Не почувствовав ничего, кроме зловония от трупов. Мне должно быть страшно. Я должна злиться. Вместо этого я чувствую, что словно пьяная и ничуть не... упала духом. Так можно сказать? Вообще-то мы, медеки, не пьём спиртные напитки, а духи не падают (это глупо – они ведь бестелесные и никуда не могут упасть).

Думаю, если вы видели, как ваших родителей вскинули в воздух, опутав их запястья и лодыжки плетями жёлтого и серебристого цвета, а потом разорвали на части, то вы знаете – без малейшего сомнения, – что однажды какой-нибудь джен-теп сделает то же самое с вами. И, похоже, это произойдёт именно сегодня.

– Вот она! – слышу я тихий голос. – Забирай её!

Я не вырываюсь и не кричу. Даже протягиваю руки, чтобы им проще было вытащить меня из груды тел. Может, я и правда хорошая девочка?

– Быстрее! Пока они там уничтожают улики!

Две больших руки хватают меня за запястья и тянут прочь от входа. Мой зад скользит по трупам, а потом – по камням и грязи. Похоже, мы движемся в глубь пещеры. Я и не подозревала, что она так далеко тянется. Когда старуха втокнула меня сюда, пещера казалась просто небольшим гротом.

Я не знаю, кто это, но человек отпускает мои запястья и берёт меня на руки. Я вглядываюсь в темноту, смутно различая две фигуры, склонившиеся надо мной; в сумраке они выглядят жутко – словно демоны. Может, мой народ и вправду поклоняется демонам?

Что-то тяжёлое царапает пол пещеры и сдвигается, когда более крупный демон толкает его плечом. Две фигуры пригибаются ещё сильнее, затаскивая меня в узкий туннель. Видимо, жители городка замаскировали его, чтобы прятать тут своё добро, когда приходят враги. Вряд ли в этом много смысла, если идущие по пятам джен-теп владеют заклинаниями песка и могут выследить тебя где угодно. Тёмный Сокол может. Я слышала, как один из магов говорил, что он лучший в этом деле. Вероятно, он уже кинулся в погоню.

– Не бойся, – шепчет один из моих спасителей.

Он говорит на языке Дарома – страны, лежащей почти в двухстах милях отсюда. В Семи Песках нет собственного наречия, поэтому большинство людей в этих краях используют упрощённую версию дароменского. Но мой спаситель изъясняется коряво, как будто выучил язык совсем недавно. У него низкий грубоватый голос и повелительные интонации. Он словно бы предупреждает, что с ним не стоит спорить.

Но я всё равно спрашиваю:

– А что с остальными?

В ответ слышу лишь шарканье сапог по каменному полу. Видимо, он не хочет говорить, что никаких «остальных» больше нет.

Тогда я задаю следующий вопрос:

– Куда вы меня несёте?

На сей раз отвечает женский голос. Он очень необычный. Мягкий и певучий. Аристократичный. Он мне нравится, но его странно слышать – словно я прокралась в дом богачей, где меня вот-вот поймают.

– Куда-нибудь подальше отсюда, – говорит женщина. – Туда, где ты будешь в безопасности.

Мужчина кряхтит от напряжения. Ему приходится нести меня, одновременно низко наклоняясь.

– Тебе больше не придётся скитаться, моя девочка. Теперь не нужно блуждать по пустыням под палящим солнцем и по замёрзшим лесам морозной зимой. Ты поселишься в большом доме. У тебя будет вкусная еда и все игрушки, какие только захочешь...

Голос женщины дрожит на последних словах. Она будто бы пытается сдержать слёзы.

– Джен-теп... – пытаюсь сказать я, но женщина меня перебивает.

– Они больше никогда не причинят тебе вреда.

Теперь она говорит громче. Видимо, потому, что мы далеко ушли от входа в пещеру.

– У нас богатая семья, дитя. И мы...

Она запинается, как будто не может подобрать слова. И это подсказывает мне, что дароменский язык для неё тоже не родной.

Мужчина что-то бормочет ей, и она кивает.

– Воины чести. Да, мы воины чести. Понимаешь? Даже лорд-маги джен-теп не посмеют отобрать тебя у нас.

Мне хочется сказать ей, что я понятия не имею, кто такие воины чести. И что она ошибается. Если маги узнают о выжившем медеке, они никогда не прекратят его преследовать... Но я так устала.

Не знаю, сколько они меня тащили, прежде чем вокруг нас возникли сполохи красивого золотого света. Определённо – заклинание джен-теп. Мне было жаль мужчину и женщину, которые явились сюда, полагая, будто могут меня спасти... Никто не радуется, обнаружив, что его мир не так безопасен, как он думал...

– Скорее! – слышу я голос мужчины. – Сажайте её в карету!

Солнце... Золотой свет, который я углядела, – это оказалась не магия, а просто солнечные лучи.

Меня запикивают в карету и прячут под одеялом.

«И карета, и одеяло, – думаю я, бросив на них беглый взгляд, – пожалуй, самые великолепные вещи, которые мне доводилось видеть».

Карета, которую тянет четвёрка прекрасных лошадей, едет сперва по ухабистой тропе, а потом по дороге.

А я засыпаю... Моя голова лежит на коленях женщины. Это самая тёплая и удобная подушка, какая у меня была.

– Теперь отдохни, – говорит она, поглаживая мои ярко-рыжие волосы. – Худшее позади, поверь мне. Будь хорошей девочкой и помалкивай. Веди себя тише мыши, пока мы не уберёмся с их земель...

Будь хорошей девочкой.

О, эта дама была прекрасна. И её муж тоже. Они привезли меня в чудесный дом – большой и красивый. Именно такой, какой они и обещали.

Через полгода я похоронила их в саду.

Рыцарь / Захватчик

Рыцарь борется с несправедливостью посредством силы. Вооружённый состраданием, он защищает невинных от потенциальных захватчиков. Путь рыцаря временами может быть прекрасен, но рыцарь слишком легко поддаётся гневу, или проявляет слепую верность, или же его охватывает жажда мести. Путь рыцаря – это не путь аргоси.

Глава 1. Могилы

– Юная госпожа, вы испачкаете платье, – предупредил сквайр Веспан.

Его грудь и ключица были обожжены и перевязаны кое-как, но в голосе слышались сварливые нотки, которые всегда предшествовали нотации. Я продолжала копать, радуясь дождю, промочившему одежду насквозь, до самой кожи.

Сквайр Веспан попытался забрать у меня лопату, но я покачала головой, и он отступил.

Раньше сквайры – или, иначе, оруженосцы – были спутниками рыцарей. Так называли особую разновидность воинов из-за моря. Именно слово «рыцарь» лорд Джервас неуклюже перевел на дароменский как «воин чести».

Прежде он был именно таким рыцарем. По крайней мере, именно это сказала Розарита (которая, очевидно, тоже была рыцарем), когда я спросила, почему они так отличаются от прочих дворян в городе.

– Мы не дароменцы, – проворчал Джервас. – Их нельзя даже причислить к знати. Подкинь несколько монет тут и там, и эти пройдохи-магистраты назовут тебя хоть королём, если цена будет подходящей.

– Не сбивай девочку с толку, – предупредила Розарита (ни в коем случае не леди Розарита, потому что: «Если не хочешь называть меня мамой, то хотя бы зови по имени).

С этими словами она игриво шлёпнула мужа по животу.

– В школе наш учитель хороших манер говорит, что достойные дамы должны быть скромными и тихими и не ввязываться в варварские драки, – сообщила я ей.

Я проучилась в школе совсем недолго, и мне казалось важным доказать своим опекунам (поскольку если я не готова называть их родителями, то должна называть опекунами), что их деньги тратятся не зря. Особенно учитывая, сколько раз мастеру Финусу пришлось повторять мне этот конкретный урок. Ибо я была, как он не уставал мне твердить, очень плохой девочкой и негодной ученицей.

Впрочем, моя демонстрация знания хороших манер не произвела на Розариту особенного впечатления.

– А как зовут твоего учителя? – небрежно спросила она. К тому времени даже я узнавала этот тон в её голосе.

– Розарита... – проговорил Джервас. – Это ведь была твоя идея...

Его жена подняла руку, взяла мою и поцеловала, словно я была хозяйкой в доме, а она – простой служанкой.

– Конечно, малышка, твой учитель совершенно прав. Хотя думаю, он имел в виду, что настоящие лорды и леди должны быть добрыми и терпимыми и вступать в бой только в крайнем случае.

Мастер Финус имел в виду совершенно другое. Но я не дуручка. Я понимала, что Розарита велит мне вести себя в школе вот так, а в остальное время – по-другому. Дети медеков рано усваивают этот урок, потому что нам нигде не удаётся остаться надолго. Мы уходим, едва найдя новое место, где можно спрятаться.

– В тебе есть мудрость, – сказала тогда Розарита. Её улыбка была тёплой, как свежеспечённый хлеб. – Ты слушаешь. Наблюдаешь. Узнаёшь, как устроен окружающий мир. Это редкий и ценный навык, милая.

Её глаза сверкнули, когда она искоса взглянула на Джерваса.

– Некоторым людям только предстоит им овладеть, – хмыкнул тот.

Он часто ворчал, хотя отнюдь не был стариком. Думаю, лорд Джервас был просто стар сердцем.

– Думаю, Розарита взбеленилась, потому что...

Честно говоря, не знаю, что такое «взбелениться», но, видимо, это означает нечто вроде «энергично участвовать в варварских драках, которых порядочные дамы избегают».

– ...Взбеленилась, потому что наставник, обучающий хорошим манерам, учит тебя тем же вещам, которые пришлось затвердить и ей в твоём возрасте. Что же касается мудрости...

Лорд Джервас делал так постоянно. Он начинал с одной темы, а потом перескакивал на другую, ничем это не обозначив, кроме «что же касается...». Перескок всегда сопровождался широким взмахом руки и повышением голоса.

– ...Что касается мудрости. Если мы искали именно её, значит, приплыли не туда! Это континент варваров. Невзирая на все чудеса и хитрости гитабрийцев, на все заклинания джен-теп, эти люди подобны детям, которым вручили слишком острые лезвия и слишком мало инструкций. Сильные государства ведут войны со слабыми, а те нападают на ещё более слабых. Маги... маги, у которых никогда не было собственного дома, обращают свои распрекрасные заклинания против беженцев и невинных людей!

Розарита тяжело вздохнула. Казалось, она вот-вот раскричится. Но вообще-то она так и сделала, потому что – пусть даже это было трудно заметить – подобные вздохи заставляли Джерваса отступить, застенчиво улыбнуться и замолчать. У них было много таких маленьких сигналов: улыбка, чтобы сказать, что любят друг друга; едва заметный кивок, означавший, что они договорились о чём-то важном. Чем меньше кивок – тем серьёзнее решение. Подмигивания. Жесты. Иногда Джервас издавал звук, похожий на кудахтанье. У них словно был свой тайный язык, понятный только им двоим.

Однажды я спросила об этом сквайра Веспана. Он-то и рассказал мне про секретный язык. Объяснил, что такой есть у всех влюблённых и, даже если они сперва его не понимали, нет большей радости, чем потратить жизнь на его совместное изучение.

Сквайр Веспан – как однажды сообщил мне лорд Джервас под большим секретом – был немного романтичен.

На самом деле следует вернуться к Веспану. Хотя бы упомянуть, что большую часть времени, которое я провела в этом доме, я считала, что его имя – Сквайр. Но, как уже было сказано, оказывается, сквайр – это название человека, которому рыцарь доверяет более всех на свете. Городские аристократы, иногда приходившие к дому, чтобы посмотреть на лорда Джерваса (чаще всего сверху вниз), называли Веспана «дворецким». Не думаю, что Веспан это оценил. Формально он являлся оруженосцем Розариты – из их страны за морем, где она была известна как «сэр Розарита». Очень забавно, поскольку в дароменском языке слово, эквивалентное «сэру», используется только при обращении к мужчине.

– Рыцарь есть рыцарь. Иными словами: рыцарь, – объяснил Джервас.

Ему нравилось повторять что-нибудь по три раза. Правда, иногда он ограничивался двумя и наблюдал, как я разочарованно смотрю на него, ожидая третьего. А затем, ухмыльнувшись, предлагал произнести слово вместе.

– А я могу стать рыцарем? – спросила я.

Лорд Джервас готовил обед. Иногда он это делал – просто чтобы доказать, что может. Он достал из ящика длинный деревянный половник и взмахнул им, будто двуручным мечом. Я решила, что Джервас хочет поиграть в поединок, но он строго посмотрел на меня, и я застыла.

– Вытяни руки вперёд, – скомандовал он.

Я повиновалась.

Чашкой половника он поочерёдно прикоснулся к моим ладоням, а потом ко лбу. Если бы это был настоящий меч, он бы меня поранил.

– Вот так, – сказал наконец лорд Джервас.

– Что? – спросила я.

– Теперь ты рыцарь, – ответил он и снова принялся помешивать суп.

– Но не настоящий же.

– О, самый настоящий.

Он слегка повернул голову – едва ли на дюйм, но этого хватило, чтобы я поняла. Такой сигнал означал, что я должна внимательно выслушать его слова, но никому и никогда не повторять их.

– Никто не может сделать тебя рыцарем. Ты даже не можешь им стать. Рыцарь появляется лишь на краткий миг, когда ты делаешь что-нибудь смелое и доброе, невозможное и изысканное одновременно. Тогда рыцарь и приходит в мир. А потом так же, как появился, исчезает, и остаёмся только мы – глупые, неповоротливые и неуклюжие.

Затем лорд Джервас сделал нечто очень характерное для него. Шевельнул челюстью, словно жевал собственный язык, посмотрел на меня умильным взглядом и сказал:

– Конечно, ты будешь настоящим рыцарем, моя девочка.

Никогда раньше и никогда впредь я не встречала человека столь же добросердечного, каким был лорд Джервас. К тому же он оказался прав: вскоре после этих его слов я действительно стала рыцарем. Правда, всего на миг – и совсем не так, как ему хотелось бы.

Глава 2. Рыцарь

– Юная госпожа, ваше платье... – повторил сквайр Веспан.

Я вернулась мыслями в сад, снова ощутив, как бушует непогода. Плечи и руки отзывались болью, когда я втыкала лопату в грязь, вынимая и отбрасывая мокрые комья земли. Не думаю, что Веспана так уж сильно волновало платье – оно всё равно было испорчено тем же огненным заклинанием, которое обожгло ему грудь и сломало ребра.

– Дождь смоем грязь, – сказала я и снова принялась копать могилы для лорда Джерваса и леди Розариты.

Нет, неверно. Для сэра Джерваса и сэра Розариты. Они погибли как рыцари. Подлинные рыцари.

И дождь ничего не смоем – в этом я тоже ошиблась. Грязь саму по себе не трудно счистить, но, когда она смешана с кровью, потом и копотью от сгоревшей плоти, пятна уже не вывести. Может, это и не нужно...

Я отложила лопату и затащила завёрнутые в ткань останки сэра Розариты в могилу. Очень устали руки. Устали задолго до того, как я начала копать, и задолго до того, как мне пришлось выволакивать тела Джерваса и Розариты из развалин дома и везти их на старой садовой тачке.

Веспан хотел помочь, несмотря на свои раны, но я была намерена сделать всё сама. Я настаивала на этом из-за слов мага-ищейки, которые он произнёс, удирая и держась за живот. Сэр Розарита ловко разломала свой клинок, так что половина его осталась в кишках ищейки, и тот не мог залечить рану. За это маг убил её.

Хотя вообще-то, думаю, он убил её по другой причине.

– Они умерли из-за тебя, – прохрипел ищейка, кашляя кровью, которая брызнула мне в лицо.

Его длинные изящные пальцы стискивали моё горло; он душил меня, потому что боль от раны не давала ему сконцентрироваться и сотворить заклинание.

– Всё, к чему ты прикасаешься, всё, что ты любишь, превратится в прах, медекская стерва.

Стерва – плохое слово. За него лорд Джервас врезал бы по зубам.

«Недостойн клинка», – сказал бы он.

Ну а я? Меня это слово не очень-то задело, потому как в тот момент мой язык вывалился изо рта и я не могла дышать. Потом мы услышали щелчок. Глаза ищейки расширились, он выпустил меня и вскрикнул. Из его левого плеча торчал арбалетный болт.

Я втянула побольше воздуха. В горле хрипело и булькало, и я вспомнила добрую старуху, затолкавшую меня в пещеру возле приграничного городка в Семи Песках.

«А теперь будь хорошей девочкой».

Я видела характерное мерцание магии, окутывающее предплечья ищейки. У джен-теп есть шесть разных форм магии. Я не помню все названия, но знаю, что две худшие – железо и огонь. Это объясняло серое и алое свечение, исходившее от его татуировок. Я пнула его изо всех сил – в то место, куда, по словам мастера Финуса, ни одна порядочная леди не должна никого пинать.

Я услышала, как позади нас сквайр Веспан, ещё наполовину похороненный под развалинами дома, взводит арбалет для следующего выстрела. Болт засел в левом плече ищейки, и его рука безвольно повисла; в животе торчал обломок шпаги сэра Розариты. Маг быстро оценил ситуацию и решил не рисковать. Ему явно не хотелось снова стать мишенью для сквайра Веспана.

– Пусть их трупы лежат в развалинах, – сказал он мне перед тем, как пуститься в бега. – Пусть гниют непогребённые. Пусть валяются, пока соседи не сожгут эти руины дотла. Пусть ваш дом станет надгробием для всех, кто захочет укрыть отродье демонов-медеков.

С каждым словом, с каждым новым проклятием ищейка, казалось, ждал, что я заору на него, проклянущий в ответ или, может, взмолюсь о милости. Но я ничего подобного не сделала: кашель не давал мне говорить. А вдобавок, если б проклятия или мольбы приносили хоть какую-то пользу, он никогда не нашёл бы нас.

Даже ринувшись бежать, маг остановился на мгновение и глянул мне в глаза, словно мы участвовали в каком-то состязании, проверяя, чья ненависть сильнее. Настолько сильнее, что способна остановить сердце противника.

Мы оба проиграли.

От дождя мои ладони стали слишком скользкими; лопата с комом земли вылетела из рук и ударилась о кованую ограду сада. Сквайр Веспан пошёл за ней, но я остановила его.

– Не трогай её, – велела я. – Не трогай могилы.

Он обернулся. Горе и отчаяние пересилили даже боль от ран.

– И меня не трогай, – сказала я.

«Всё, к чему ты прикасаешься, всё, что ты любишь, превратится в прах».

Я не дуручка. Я знала, что проклятие ищейки – не настоящее заклинание. Просто трепотня. Но почему-то меня всё равно тошнило. Может, тут была ещё какая-то магия?..

– Нам надо поскорее уйти отсюда, – настаивал сквайр Веспан. – Призраки лорда и леди будут преследовать меня всю жизнь, если я позволю вам простудиться.

– Я не пойду внутрь, – ответила я. Взяла лопату и вернулась к делу.

– Вы не можете оставаться в саду всю ночь, юная госпожа.

– Я и не собираюсь.

Сквайр Веспан был хорошим человеком, но порой немного твердолобым. Или, может, он прекрасно меня понял, и мы спорили совершенно о другом. Здесь люди иногда так поступали – говорили одно, имея в виду нечто совершенно иное.

– Вам одиннадцать лет, – сказал Веспан.

– Двенадцать, – поправила я, хотя и не знала наверняка.

– Одиннадцать, двенадцать – мне всё равно! – крикнул он.

Веспан никогда не кричал. Ни на кого. Его голос тут же смягчился. Он умоляюще сказал:

– Что я буду за человек, если позволю вам бродить по миру одной, когда на вас охотятся маги?

– Думаю, ты будешь тем, кто держит слово своего лорда.

Когда я впервые попыталась сбежать, Джервас и Розарита выследили меня в нескольких милях от города. Снова оказавшись дома, я спросила, пленница ли я.

Они сказали: нет. Я их подопечная.

– В чём разница? – спросила я.

Следующие несколько часов они пытались объяснить мне разницу, а я задавала новые вопросы. В конце концов, думаю, они запутались не меньше моего. Но у Розариты были очень ясные представления о чести (ещё одно слово, которое я не до конца понимала), поэтому в конце концов она взяла меня за плечи и сказала следующее:

– Иногда маленькие мальчики и девочки убегают из дома. Они делают это, потому что злы, расстроены или напуганы, но не знают, как объяснить свои чувства людям, которые их любят. И задача таких людей – вернуть детей домой. Потому что эти мальчики и девочки на самом деле не хотят убегать. Они хотят, чтобы кто-то проявил заботу, пришёл и отыскал их.

Да, с этим оказалось трудно смириться – ведь леди Розарита была абсолютно права. Я сбежала, потому что Джервас рассердился на меня из-за драки с соседским мальчиком. Тот играл с друзьями, изображая великого боевого мага джен-теп. Пацаны нарядились в дурацкие

костюмы, сделанные из шёлковых платьев, стянутых из материнских гардеробов. Каждый придумывал сложные нелепые заклинания, а потом смеялся. Мальчишка по имени Фантус спросил, не хочу ли я поиграть с ними.

– Но ты будешь медеком, – предупредил он. – Новички всегда изображают медеков.

Никто в городе не знал, кто я такая на самом деле. Джервас и Розарита очень строго за этим следили, хотя и уверяли, что джен-теп не осмелятся сюда явиться.

– Ладно, – сказала я Фантусу. – Что надо делать?

Он протянул лакированную маску, которая была мне велика, и куклу, похожую на младенца.

– Надень маску и сделай вид, что вызываешь демона, мучая ребёнка.

– Зачем?

Фантус и другие мальчишки уставились на меня.

– Затем, что так делают медеки, дурында.

Вы, я думаю, догадываетесь, что произошло вслед за этим.

Джервас разозлился на меня, потому что «честь» нельзя отнять обычными словами и потому что я продолжала пинать Фантуса, даже когда он упал. Я пыталась объяснить: надо было убедиться, что он больше не встанет. Но, похоже, это был не рыцарский подход к делу.

Той же ночью я сбежала, и леди Розарита отправилась на поиски. Для богатой дамы вроде неё она была очень хорошим следопытом.

– Ты не пленница, – сказала Розарита, когда меня привезли домой. – И мы не твои родители, как бы нам этого ни хотелось. Но нам нужно знать, убегаешь ли ты потому, что злишься на нас, или потому, что приняла твёрдое решение. Такое решение меняет всю жизнь, и редко к лучшему. Но его, клянусь честью, мы должны уважать.

Честь казалась сложной и неудобной штукой. Мне было странно слышать, как двое взрослых говорят о необходимости уважать мнение одиннадцатилетнего ребёнка. Но, видать, там, откуда они приехали, были иные традиции касательно подобных вещей.

Джервас чуть не плакал – иногда с ним такое случалось. Он схватил меня на руки, словно я была совсем малышкой, и прижал к груди.

– Мы всегда будем искать тебя, моё милое дитя, моё невероятное дитя. Каждый раз. Не важно, насколько далеко и как быстро ты уйдёшь. Мы будем тебя искать... если только сначала ты не произнесёшь слова, которые я надеюсь никогда не услышать, покуда жив.

Думаю, его желание исполнилось.

Я воткнула лопату в землю, чтобы она стояла и не падала, и обернулась к сквайру Веспану.

– Без гнева, без страха, без сомнения, без слёз, теперь я желаю покинуть это место навсегда и на всю свою жизнь.

Веспан долго смотрел на меня, а дождь лил всё сильнее и сильнее. Я слышала, как шипит пламя, ещё не до конца погасшее с восточной стороны здания. Казалось, Веспан пытается решить, что ему делать дальше. Хотя вряд ли. Думаю, он просто хотел дать мне понять, что с радостью бы отдал за меня жизнь, если б только я ему позволила.

– Я пойду и соберу вашу сумку, – наконец сказал он.

Я покачала головой.

– Только одежду. Ту, что была на мне, когда я сюда приехала.

– Но это лохмотья! Как же вы...

– Ничего подобного! – крикнула я.

Я тоже редко кричала. И никогда – на Веспана.

– Мне не нужно ничего такого, что сможет отследить наёмный маг, ищейка и им подобные.

В конце концов Веспан сделал как я просила. Когда я выходила через расплавленные развалины парадных ворот, он сказал:

– Какое-то время этот мерзавец не сможет использовать магию. Ему нужно найти место, чтобы затаиться и вылечить раны. Держитесь подальше от городов. Джен-теп не любят тяготы дальних дорог. Прячьтесь, ведите себя тихо – и будете в безопасности.

Я серьёзно кивнула, делая вид, что внимательно прислушиваюсь к его словам, потому что Веспан мне нравился. Хотя его совет был столь же ценен, как если б он сказал: «Будьте хорошей девочкой».

Я перестала быть хорошей девочкой. Вообще-то, несмотря на то что я сказала Веспану, я кое-что взяла из дома. Обломок шпаги, вторая половина которой осталась в животе ищейки. Этот обломок был примерно два фута в длину, достаточно лёгким для меня и острым как бритва.

Видите ли, есть лишь один способ защититься от мага. Убить его, прежде чем он убьёт вас.

Глава 3. Охотница

Всю ночь я шла по пустым улицам – на полусогнутых ногах, опустив голову и почти не поднимая взгляда. Должно быть, я выглядела как дикое животное, покрытое лохмотьями ткани вместо меха. Может, шакал или гиена. Падалыщик, выслеживающий хищника в десять раз крупнее его самого. Двенадцатилетняя девчонка, охотящаяся на боевого мага.

Впрочем, мало кто меня заметил. Это был приличный город, где цивилизованные люди проводили ночи в запертых помещениях, а не шлялись по улицам, как бродяги. Те немногие, чьи пути пересеклись с моим, отходили в сторону и пялились на меня издали. А я шла, глядя в землю в поисках следующей капли крови, и останавливалась лишь затем, чтобы принюхаться, точно крыса.

Заклинания оставляют в воздухе всевозможные запахи. Тонкие, как и любая магия, но заметные, если вы знаете, что искать.

Большинство людей редко сталкиваются с магией джен-теп. Наблюдая такое чудесное зрелище и слыша такие невероятные звуки (не говоря уж о том, что в процессе, вероятно, кто-нибудь умрёт), они едва ли обратят внимание на лёгкий запах подгоревшей корицы или горячего песка пустыни, тревожимого жарким ветром. Сами джен-теп настолько привыкли к магии, что даже не замечают ароматов, которые она оставляет на себе. Но я их замечаю.

Временами я проходила целые кварталы, не видя следов крови на мостовой, но останавливалась и поднимала подбородок, глубоко вдыхая, пока не улавливала запах клубники и мяты – и тогда понимала, что моя жертва была здесь. Магия крови – один из шести источников силы джен-теп – оставляет в воздухе именно такой аромат.

Каждый раз, когда маг-ищейка, кажется, его звали Фериус... Хотя нет, стоп. Этого не может быть.

Думаю, надо упомянуть, что к этому моменту жизни у меня было не в порядке с головой. Уже какое-то время мы с ней не дружили. Похоже, с того дня, когда я наблюдала, как переливчатые золотые щупальца, тянущиеся из пальцев огненного мага джен-теп, разрывают моих родителей на куски.

Розарита говорила, что если мы переживаем нечто глобальное – настолько большое, что просто не готовы держать всё это в голове, – наш разум иногда разбивает его на мелкие кусочки, показывая только одну часть зараз. И так до того дня, когда мы будем готовы воспринять весь опыт, не переживая его заново.

– Но я всё помню, – возразила я ей. – Я могу пересказать тебе каждую минуту с того момента, как отец взмыл в воздух. Я подумала, что он летит, но потом он закричал, одна рука оторвалась, и...

– Воспоминание – не то же самое, что понимание, – сказала Розарита, обнимая меня, хотя я совершенно не расстроилась.

Она уткнулась носом в мои рыжие кудри.

– Однажды, когда ты настолько переполнишься любовью, что внутри останется место лишь для небольшой боли, ты увидишь картину целиком, моя храбрая девочка. И будешь много плакать, но поймёшь, что каждая слезинка делает тебя сильнее.

Розарита продолжала обнимать меня, и я похлопала её по спине. Иногда от этого ей становилось легче.

Простите. Мне не стоит рассказывать все эти мелкие подробности. Ни одна из них уже не имеет значения. Но я думаю, важно помнить, что в моей жизни был момент, когда я почти – почти! – сумела увидеть будущее, и оно было ярким и наполненным любовью. Оно так сильно отличалось от того, что поджидало меня в темноте...

В любом случае, Розарита, видимо, была права, потому что, когда её и Джерваса не стало, я начала путаться в событиях и терять счёт времени. Я не помнила, что и когда случилось и в каком порядке. Иногда я забывала имена людей.

Мет-астис! Вот как его звали. И он был не просто какой-то ищейкой, а самым настоящим лорд-магом.

– Мет-астис из Дома Мет, – сказал он мне.

Джен-теп обожают произносить названия своих Домов, даже несмотря на то, что они и так ясны из их имён.

Ладно, о чем бишь я? Да, так вот. Магия крови. Время от времени Мет-астис останавливался в каком-нибудь тёмном углу, чтобы наложить заклятие крови и не дать своим внутренностям развалиться – чему способствовал шестидюймовый обломок шпаги Розариты, застрявший у него в кишках. И всякий раз он оставлял после себя запах мяты и клубники.

Ну вот. Суть в том, что он был не так уж хорош в исцеляющих заклинаниях, поскольку оставлял капли крови почти в каждом квартале. Потому-то двенадцатилетняя девочка без специальных навыков сумела его выследить. Из одной части города в другую, а потом через западные ворота – к докам на реке. Сюда огромные баржи из Гитабрии привозили экзотические фрукты и редкие виды древесины, а иногда и увлекательные механические приспособления, которые Джервас вертел в руках на рынке, хмыкая при виде цен, а потом говорил Розарите:

– Эти гитабрийцы совсем уже...

Нет. Никаких больше рассказов о Джервасе и Розарите. Я должна сосредоточиться. Проблемой стали фрукты на баржах. К ним надо приплюсовать вонь гнилой речной воды, запах чернохвоста, крабов и прочего улова, который привозили на маленьких рыбацких лодках. В общем, я больше не могла отслеживать магию Мет-астиса.

Я чувствовала себя ужасно глупо, стоя в тени. Лишь теперь я осознала, что на улице холодно и я замёрзла. Я слишком привыкла спать в красивом тёплом доме, вкусно есть и носить красивую одежду. И вот, я стояла и смотрела на реку, а мимо проходили портовые рабочие и рыбаки, одаривая меня сальными взглядами и бормоча мерзкие слова. Мне казалось, что я наконец-то очнулась ото сна. Неужели я в самом деле провела несколько месяцев с сэром Джервасом и сэром Розаритой? Неужто эти милые люди из заморской страны действительно спасли меня в пещере и привели в свой дом?

Я глянула на лохмотья, в которые была одета. Зачем бы их хранили столько времени? Может, я просто лежала в той пещере среди мертвецов, час за часом и день за днём, ожидая, когда боевой отряд джен-теп уберётся восвояси? Может быть, я наконец-то выползла наружу, совсем одна, и начала ходить во сне – из города в город, из деревни в деревню, пока не очулась на этом причале, возле речных барж. Вскоре я подкрадусь к одной из них и буду прятаться в уголке трюма, питаясь ворованной едой, пока баржа не пришвартуется где-нибудь в новом месте. А там я начну всё сначала... Что если Джервас и Розарита были просто лихорадочным сном, который сотворил мой мозг, дабы не рассыпаться на части? А ищейка Мет-астис – кошмаром, наконец-то разбудившим меня?

Я прижала кулаки к бокам, но правая рука ощущалась как-то иначе, чем левая. Опустив взгляд, я увидела, что держу сломанную тристианскую шпагу.

Кто-нибудь может счесть шпагу несерьёзным оружием, и очень зря, потому что на самом деле в дуэлях она опаснее всего. Шпаги тонкие и лёгкие, и двигаться с ними можно намного быстрее, чем с любым мечом. Двуручный меч вроде того, что был у Джерваса, хорош в бою с солдатами, поскольку может разрубить стальные доспехи и раздробить звенья кольчуги. Обычный длинный меч немного меньше и более универсален, но всё же тяжелее, чем, скажем, рапира. Рапира – колющее оружие и намного эффективнее в официальных дуэлях, где противникам не разрешается надевать доспехи. Но шпага ещё легче, быстрее и острее. Она мгновенно

разлетится на куски, ударившись о стальные латы, но с лёгкостью пробьёт дуэльный нагрудник. Или мантию мага.

Оплетённая проволокой рукоять казалась твёрдой и настоящей в моей ладони – более реальной, чем холодный воздух или запах фруктов и рыбы. Реальнее, чем портовые рабочие и рыбаки. Откуда у меня оружие? И как я узнала, что шпага лучше всего подходит для дуэлей? Кто-то должен был мне это рассказать...

Сэр Розарита и сэр Джервас существовали на самом деле. Шесть месяцев назад они спасли мне жизнь, а прошлой ночью умерли, защищая меня от лорд-мага джен-теп по имени Мет-астис из Дома Мет. Я выследила его до этих доков, а теперь намеревалась разыскать. И разыщу, потому что корабли не уплывают до рассвета и потому что джен-теп сторонятся и презирают всех, кто не похож на них. Мет-астис не рискнёт просить здесь помощи. Он где-то прячется, вновь и вновь пытаюсь наложить своё жалкое заклятие крови, а утром купит себе место на речном судне.

К северу от доков вздымались холмы, и там были пещеры. Розарита любила исследовать их в поисках кусочков глиняной посуды и металла из древних дароменских поселений, некогда основанных в этих местах. Однажды она взяла меня с собой, но я начала плакать, и ей пришлось признать, что ползание по тёмным туннелям, вероятно, не лучшее развлечение для меня. Но раненый маг? Ему нужны только время и тишина, чтобы восстановить силы и концентрацию, вытащить из живота кусок шпаги и не сдохнуть в процессе. Джен-теп считает всех, кто отличается от него, варварами, не достойными доверия... Он пошёл бы именно в те пещеры. Заполз туда и прятался, надеясь, что его никто не найдёт.

Очень забавно, если вдуматься.

Глава 4. Пещера

В двухстах футах от входа в пещеру я нашла Мет-астиса.

Поначалу идти было тяжело. Туннели оказались узкими и тёмными, хоть глаз коли. Но любой медек знает, каково это – прятаться, скрываться в тени, вообще ничего не видя и воображая тысячи поджидающих его опасностей.

Теперь прятался Мет-астис, а я была монстром, который его преследовал. Чем дальше я углублялась в извилистые коридоры, тем сильнее становился запах мяты и клубники. Это немного беспокоило, поскольку означало более сильную магию крови. Может, он исцелился и теперь ждёт меня, надеясь закончить то, что не удалось сделать в доме?.. Но потом я уловила кое-что ещё, смешанное с клубникой и мятой: запах, для которого я не знала названия, но который был мне очень хорошо знаком. Зловоние тела человека, боящегося за свою жизнь.

Я поняла, что нашла мага, когда увидела слабый свет, мерцающий за поворотом коридора. Шар из светящегося стекла. Умный человек будет сидеть в темноте, если за ним охотятся.

Подходя, я услышала скрежещущий звук. Мет-астис пытается удрать от меня?

Я удивилась тому, насколько хорошо была обустроена его маленькая пещера. Два больших дорожных сундука с латунными кольцами, столик, стул и даже узкая койка в углу. Скрежет, который я слышала, производили её деревянные ножки. Они царапали по каменному полу, когда маг пытался двигаться вместе с койкой всё дальше и дальше в темноту.

В другом конце пещерки я увидела глиняные кувшины, несколько больших головок сыра и множество других деликатесов, от которых у меня текли слюнки, несмотря даже на запахи мяты, клубники и страха Мет-астиса. Сколько времени он ошивался возле города? Неужто он проделал весь этот путь от земель джен-теп и устроил себе логово, чтобы день за днём разыскивать меня?..

– Ты, – сказал он. Словно наложил заклятие шёлка, чтобы прочесть мои мысли и ответить на невысказанный вопрос.

– Я, – ответила я.

Глупо. Нужно было сочинить речь. Или, например, выучить стихотворение. Или ещё что-нибудь в таком роде. Слова, которые вы произносите в подобные моменты, должны быть значимыми. Важными. Вроде тех, какие изрекал сэр Джервас, когда был благодушен и доволен собой. Но мне ничего не приходило в голову. Мет-астис не вызывал у меня никаких чувств. Он просто съёжился на своей койке – невзрачный человечек без рубашки, с бинтами на животе, там, где остался кусок клинка сэра Розариты. По лбу струился пот, и это успокоило меня. Он слишком возбуждён из-за своих ран, чтобы использовать заклинания. Мет-астис часто моргал, и у него дрожали губы. Когда он поднял руку – что ввергло бы меня в панику несколько часов назад, – я едва вздрогнула. Он был беспомощен и напуган. И испугался ещё больше, увидев у меня обломок шпаги.

– Я Мет-астис из Дома Мет, – прохрипел он.

– Ты это уже говорил, – напомнила я ему.

Но он продолжал. Может, не слышал меня из-за лихорадки?..

– Невозможно! Меня не убьёт жалкий и грязный медекский ребёнок!

Кажется, он тоже не заготовил подходящую речь на подобный случай. Я ухмыльнулась, и Мет-астис это заметил.

– Ты насмехаешься над лорд-магом?

Я оглядела его пещеру в поисках зеркала. Мне хотелось, чтобы он увидел, как глупо выглядит со своими напыщенными речами и ничтожным видом. В тот миг я была уверена: нет зрелища более жалкого, чем могущественный человек, у которого отняли силу. Но ещё

я чувствовала, что лорд Джервас стоит рядом, прямо позади меня, положив свою большую ладонь мне на плечо.

«Нет чести в том, чтобы убить поверженного врага».

Я стряхнула его воображаемую руку – и призрачную руку сэра Розариты тоже.

В каком-то смысле я стояла на пороге. Пока что я была ребёнком – перепуганным, но невинным. Перешагнув порог, я сделаюсь убийцей – и останусь им на всю жизнь.

Мне очень хотелось перешагнуть этот порог.

Я сделала три больших шага, чуть согнув колени, – как мне показывала Розарита. Так движется фехтовальщик, чтобы преодолеть дистанцию, не потеряв равновесия. Подойдя, я встала рядом с Мет-астисом. Он съёжился.

Он съёжился передо мной.

– Не бойся, – сказала я, поднимая шпагу над головой.

Сломанное лезвие было нацелено на бинты. Под ними другой кусок того же клинка уже проделал большую часть работы, пока я оставалась просто девчонкой-медеком.

– Я рыцарь.

Тут мне в голову пришла странная мысль. Если Мет-астиса настолько сильно лихорадит от ран, как он умудрился сделать такую хорошую перевязку? Для этого нужен был кто-то другой...

Внезапно в пещере стало темнее. Я увидела улыбку на губах Мет-астиса и облегчение в его глазах. Послышался шелест заклинания, и я уловила запахи хвои и корицы. Магия дыхания и огня.

Завитки золотого и серебряного света скользнули по моим запястьям, потом коснулись лодыжек. И вдруг меня швырнуло на пол... вот только это был не пол, потому что мир перевернулся. Меня прижало к потолку – так сильно, что стиснуло рёбра и я едва могла вздохнуть. Шпага вывалилась из руки, со стуком упав на пол пещеры.

Потолок был не очень высоким, поэтому, когда второй маг встал подо мной и поднял голову, чтобы посмотреть мне в глаза, наши лица оказались совсем близко. Словно он пришёл поцеловать меня.

Глупо, но первое, что пришло мне в голову: он похож на настоящего рыцаря. Чёрные, недавно остриженные волосы. Небольшая щетина на гладком лице с правильными чертами. Он выглядел старше, чем был. Глаза пронзительно-синего цвета, с зелёными крапинками... Однажды увидев их, никогда не забудешь. Я уж точно не забыла.

Тёмный Сокол.

Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут заговорил Мет-астис. Маг неловко поднялся с койки.

– Спасибо, дитя моё. Ты избавил меня от необходимости провести ещё одну ночь в этом миленьком городке с его вежливыми людишками. Не пришлось ждать исцеления, чтобы вернуться за тобой.

Мальчик... мужчина, точнее. Не стоит называть мальчиком того, кто собирается тебя убить. Так или иначе, он спросил:

– Что прикажете сделать с ней, лорд-маг?

Мет-астис нетвёрдой походкой подошёл к одному из своих сундуков. То ли сундук, то ли сам маг... в общем, что-то заскрипело, когда он поднял крышку. Покопавшись внутри, Мет-астис вышел на середину пещеры и встал подо мной. В руке он держал кожаную коробку с латунными петлями, похожую на миниатюрную копию его дорожного сундука. Маг открыл крышку, и я увидела крошечные глиняные сосуды, все разного цвета, с причудливыми символами, вырезанными на пробках. Там же лежал набор металлических инструментов, блестящих даже в тусклом свете пещеры.

– Привяжи её к столу, – сказал Мет-астис.

Он протянул руку и сжал пальцами мою челюсть.

– Давай-ка покажем миру, что происходит с грязными щенками медаков, которые воображают, будто из них вырастут рыцари.

Глава 5. Честь

Мет-астису потребовалось три дня, чтобы доказать свою правоту: грязные маленькие медекские дети не могут стать рыцарями. Рыцарь должен быть благородным, храбрым и милосердным. Я же пыталась ударить поверженного противника в живот. Не в грудь – это было бы сравнительно безболезненно, – а в живот, чтобы посмотреть, как он медленно умирает в муках. Очевидно, весьма бесчестный поступок.

– Она снова очнулась, учитель, – сказал Сокол.

Я привыкла мысленно называть его просто «Сокол» – потому что так обращался к нему Мет-астис и потому что так он более походил на животное-талисман мага, а не на человека.

– Угу, – вот и всё, что ответил Мет-астис.

Я слышала, как он что-то царапает в своей переплетённой в кожу тетради. Он часто делал заметки, пока Сокол выполнял всю грязную работу.

Мне не хотелось открывать глаза, не хотелось снова глядеть на этого парня. Невзирая на то что он делал со мной – с помощью металлических игл, горячих чернил и жутких заклятий, от которых меня тошнило, – всякий раз, когда я смотрела на него, я видела только задумчивость и неистребимое чувство долга. И честь, разумеется. Честь буквально отпечаталась у него на лице. Как такое возможно?

Если ты от рождения имеешь благородный характер, значит ли это, твоя челюсть твердеет, а глаза становятся решительными? Или же люди с волевой челюстью и решительным взглядом вырастают достойными, потому что этого от них ждут?

– Я снова погружу её в сон, – сказал Сокол.

Мет-астис захлопнул тетрадь.

– Ты тратишь силы на эти заклинания шёлка, когда вся твоя магия нужна нам для работы.

– Может быть, вы сами примените заклятия, учитель? Я боюсь, что мои навыки не...

– У тебя всё в порядке с навыками, – сказал Мет-астис так сердечно, что я не удержалась и открыла глаза.

Маг подошёл, встал рядом с Соколом и положил руку ему на плечо – точно так же, как делал Джервас, когда ему предстояло преподать мне трудный урок.

– Я ещё слишком слаб из-за ран, чтобы творить заклинания. Но ты всё делаешь правильно, мой мальчик. У тебя талант к такой работе.

В глазах Мет-астиса было столько гордости! А в глазах Сокола – такая надежда! Они вовсе не казались злыми. Я почувствовала, что снова начинаю плакать.

– Думаю, пора перейти к татуировке магии песка, – сказал Мет-астис. – Начни с третьего символа.

Я мельком увидела в руках Сокола длинный тонкий металлический инструмент. Он походил бы на вязальную спицу, если б вдоль него не протянулся узкий желобок, в который Сокол осторожно наливал вязкую блестящую жидкость. Я наблюдала, как она течёт вниз, пока Сокол не убрал «спицу» из моего поля зрения.

Он вдавил остриё мне в шею, и горячие металлические чернила коснулись кожи. В тот момент я навсегда отказалась от мысли быть благородной. Честь никогда не спасала от боли.

Глава 6. Отвага

Я пыталась быть храброй, правда пыталась. Но они больше не позволяли мне спать, втыкая в шею длинные тонкие иглы. Временами я теряла сознание, но вскоре забвение отступало, и я приходила в себя – по-прежнему привязанная к столу. Все попытки освободиться были тщетны. Я слышала шипение металлических чернил, выжигающих пятна на моей коже, но не видела их и ничего не понимала.

Я поклялась себе, что больше не буду кричать и никогда не стану просить...

– Пожалуйста! – захныкала я, извиваясь в путах. Моё горло не могло выдавить более громких звуков, а в сердце не осталось решимости. – Пожалуйста, хватит!

– Учитель... – как всегда почтительно начал Сокол. – Нам было бы проще работать, если бы она спала.

Надо мной снова нависло лицо Мет-астиса. Его взлохмаченные седые волосы свисали, касаясь кончика моего носа. Теперь он выглядел более здоровым. Старым – в моих глазах, – но сильным. Сколько же времени я провела в этой пещере, привязанная к столу?..

Лорд-маг нахмурился, хотя, я думаю, это адресовалось скорее Соколу, чем мне.

– Ты понимаешь, что она сделала бы с тобой, если б могла? Ты хоть представляешь, что медеки творили с нашими людьми, когда брали их в плен?

– Я знаю, учитель, но...

– Что они делали с детьми, даже с младенцами! И не потому, что этого требовала война или жизненно важные исследования наподобие наших. Просто ради удовольствия. Им нравится причинять нам боль.

«Ты лжешь!» – мысленно кричала я. Но всё, что вышло наружу, было:

– Пожалуйста...

– Ну вот, – сказал Мет-астис, взяв меня за руку и будто бы утешая. Его гладкие длинные пальцы обвилились вокруг моего запястья.

Так делала леди Розарита, и теперь прикосновение его пальцев уничтожало воспоминания, забирая у меня даже это.

– Знаю, тебе тяжело, – пропел он таким нежным голосом, что сумел бы потягаться с лордом Джервасом. – Но мы здесь столь многому учимся! Если б ты только видела, какие прекрасные чернила мы на тебя тратим! Они... великолепны!

– Но, учитель, – сказал Сокол, нахмурив брови, – разве это не означает, что медеки обладают такими же способностями к магии, как и наш народ?

– Тьфу! – сплюнул Мет-астис. – Что такое способности? Лошадь имеет способность к бегу, но без всадника она не поймёт, куда направиться. Вот почему уздечка важнее седла.

Он провёл пальцем по моему горлу. Когда маг коснулся того места, где чернила въелись в кожу, я раскрыла рот, пытаясь закричать, но вышел только хрип. Я больше не могла даже озвучить свою боль.

– Нет... – задумчиво протянул Мет-астис. – Вот что мы тут наблюдаем. Формулы для нанесения татуировок, которые мы унаследовали от наших предков, не настолько совершенны, как мы привыкли думать.

Губы Сокола чуть приоткрылись; он словно услышал такое великое откровение, что слов оказалось недостаточно, и пришлось вдохнуть его.

– Это доказывает то, что вы всегда говорили, учитель. Клань джен-теп слишком уж полагаются на свои знания, доставшиеся от предков. Мы должны искать новые пути и новые заклинания, если хотим обезопасить наш народ.

– Совершенно верно.

Мет-астис встретился со мной взглядом.

– Видишь ли, малышка-медек, дело не в ненависти к твоему племени, какой бы заслуженной эта ненависть ни была. Дело в любви. Любви к знаниям. Любви к нашему народу.

Он закатал рукав, чтобы показать татуировки, как будто я раньше никогда их не видела.

– Послушай, мой отважный рыцарёнок...

Мне стало противно. Теперь, когда я была в его власти, он использовал меня для какого-то мерзкого эксперимента. И смотрел не как на врага, а как на подопытное животное. И разговаривал так, словно почти любил меня.

– Источники сырой магии повсюду вокруг нас. Железо, огонь, дыхание, кровь, шёлк и песок. Но они похожи на туман над водой – везде и нигде. Несущественны. Чернила, сделанные из особой руды, настроенной на каждую из основных сил, позволяют тем, кто обладает талантом и волей, собрать этот туман, сконцентрировать его и выпустить в виде наших заклинаний.

Даже для меня это звучало упрощённо. Может, он думал, что я слишком глупа, чтобы понять настоящее объяснение? Но тут на ум пришёл любопытный вопрос. Я наверняка задавалась бы им раньше, если б не была так напугана.

– Вы... Вы что, набиваете мне татуировки джен-теп?

Мет-астис задумчиво посмотрел на меня, словно я высказала очень интересное предположение, которое он и не рассматривал до сего момента. Потом захохотал – да так, что едва не сшиб со стола жаровню, нагревающую одну из крохотных плошек с металлическими чернилами. Сокол едва успел подхватить её – и охнул, когда капля (совсем крошечная капелька) попала ему на кожу руки.

– Ах, какая же ты глупышка, – сказал Мет-астис.

Он наконец выпустил моё запястье и похлопал меня по лбу.

– Нет, детка, это вовсе не татуировка мага. Скорее это... уздечка.

Когда Сокол снова коснулся иглой моей шеи, все попытки быть отважной кончились, и я заплакала.

– Пожалуйста, не надо! Я больше не буду, обещаю. Я буду хорошей девочкой.

Тёплая и мягкая рука Мет-астиса прижала мою голову к столу.

– Тише-тише, не надо плакать. Вообще-то рыцарь должен вести себя храбро.

Глава 7. Свеча

Смерть означает прекращение боли. Она означает также конец ещё очень многих разных вещей, но если вы провели три дня привязанным к столу и вам в шею постоянно втыкались раскалённые иглы, то, как правило, вас занимает в основном боль.

В пещере мага и его ученика я то и дело молилась о смерти. И умоляла о ней. Временами, когда Мет-астис спал (а спал он часто – из-за своих ран), я пыталась спровоцировать Тёмного Сокола убить меня. Каждый раз, когда он кормил или поил меня, или вытирал стол там, куда я... ну, вы понимаете. Так или иначе, я рассказывала о жутких вещах, которые сделаю с ним, когда освобожусь. Это не сработало. Тогда я начала придумывать истории о страшных преступлениях, которые совершал мой народ в отношении его соплеменников.

– Тебе неинтересно, как мы убивали ваших младенцев? – спрашивала я. – Ты не хочешь отомстить за мёртвых?

Но он игнорировал вопросы и никогда со мной не разговаривал. Разве что иногда проносил нечто вроде:

– Это не твоя вина. Всё так, как и должно быть.

Впрочем, я почти уверена, что он разговаривал сам с собой.

Вновь и вновь я просила о пощаде, которая, как я понимала, могла означать только смерть. И вот однажды – на третий... а может, тринадцатый день – моё желание исполнилось.

Началось с того, что чьи-то пальцы раздвинули мне губы. Я резко очнулась, распахнув глаза, но увидела лишь размытые пятна на месте лиц двух людей, склонившихся надо мной.

Сокол заставил меня отрыть рот.

– Теперь держи её крепче, – велел Мет-астис.

Зрение немного прояснилось, и я увидела, что лорд-маг держит красную свечу толщиной с его руку. Пламя растопило алый воск, и, когда он достаточно нагрелся, маг поднёс свечу к моему рту.

– Нет! – пыталась крикнуть я, но Сокол стиснул зубы и разжал мои. Первая капля воска ударилась о язык. Внезапный ожог ужалил болью, но воск почти сразу остыл, и это было ещё хуже, потому что я ощутила, как он прилип к языку.

Мет-астис сильнее наклонил свечу, и капли превратились в струйку, заливающую мне горло. Рефлекс заставил меня проглотить плотный комок, но Сокол продолжал разводить мои челюсти, а Мет-астис – вливать в рот всё больше и больше расплавленного красного воска. Теряя сознание, я поняла, что все мои размышления о смерти были ошибочными. Смерть – не окончание боли. Это всего лишь начало новых страданий.

Глава 8. Сострадание

Я очнулась от ощущения, что лежу спиной на мокрых листьях. Потом оно пропало. Прохладный воздух щекотал мне нос и голые ноги. Открыв глаза, я увидела над собой ветви с зелёными листьями, переплетённые так густо, что нельзя было понять, где заканчивается одно дерево и начинается другое.

Потом я услышала звук – лопата, втыкающаяся в землю. Я была так слаба, и у меня так болело горло, что я едва могла вдохнуть. Язык распух от горячего воска, но руки больше не были связаны. Повернув голову, чтобы выплюнуть воск, я увидела, как небольшая лопата методично выкапывает кучки земли и отбрасывает её. Темный Сокол, голый до пояса, остановился на мгновение и вытер пот со лба. Увидев, что я смотрю на него, он сказал:

– Учитель, она проснулась.

– Сотвори ещё одно заклятие шёлка, – откликнулся лорд-маг. И прибавил, словно бы себе под нос: – Мальчишка упрашивает меня усыпить её, когда в этом нет смысла, а потом не хочет делать это же, когда оно нужно.

Меня похоронят заживо!

– Пожалуйста! – сказала я Соколу. Мой голос немного окреп. – Пожалуйста, не убивай меня.

Пальцы Сокола дернулись, и с его губ сорвалось заклинание. Я заорала во весь голос.

– Да чёрт возьми! – выругался он, потому что заклинание рассеялось. – Учитель, я не могу толком сконцентрироваться.

Мет-астис вышел из пещеры, посмеиваясь.

– Вот теперь мы видим изъян в твоей тренировке, юный Сокол. Посвящённые джен-теп тратят так много времени на магию, что редко страдают от физической боли в теле. И когда эта незамысловатая боль наконец настигает их, они не могут направить волю, чтобы наложить даже простейшее заклинание.

– Моя татуировка шёлка самая слабая из всех, – сказал Сокол, словно оправдываясь. – И я колдовал уже целых три дня.

– Прости старику его причуды, мальчик, – сказал Мет-астис с хитрой ухмылкой, – но те из нас, для кого слабость становится ежедневным мучителем, поневоле получают удовольствие, время от времени находя её в молодых.

Сокол глянул на меня, едва ли не закатив глаза, словно я должна была посочувствовать ему. Во мне вспыхнул гнев. Я давно не ощущала ничего, кроме страха, и почти забыла, каково это – злиться. И как это приятно.

– Вы оба гады!

С силой, порождённой яростью, я перекатилась, встала на четвереньки и вскочила на ноги.

– Ты болтаешь об исследованиях, магии и защите будущего своего народа, но это всё ложь!

– Девочка... – начал Мет-астис, словно только что заметил мою истерику, – что тебя тревожит?

В глазах стояли слёзы, и всё вокруг казалось размытым, когда я оглядывала поляну в поисках палки, камня или хоть какого-нибудь оружия.

– Вы столько дней пытали меня ради так называемых экспериментов – и для чего? Чтобы похоронить заживо, когда всё закончится? – Я обернулась к Соколу. – У тебя не хватает смелости ударить меня ножом или задушить собственными руками? Трус!

Мет-астис рассмеялся. Глаза мага расширились, как будто мои слова несказанно удивили его.

– Учитель, – проговорил Сокол, постукивая по земле лопатой, – она думает, что мы копаем ей могилу.

Лорд-маг захохотал ещё громче. Ему пришлось ухватиться за живот, где прежде были повязки.

– Ох. Представляю, кем ты нас считаешь!

– Я считаю вас убийцами – вот кем! Ваши маги уничтожили мой клан! – я ткнула пальцем в сторону Сокола и увидела, как парень вздрогнул: – Он там был!

Мет-астис наконец-то перестал смеяться и серьёзно кивнул.

– Это была война, детка.

– Это была резня! Мы ничего вам не сделали!

Уголки губ мага опустились, а глаза сузились.

– Твои предки сделали нам очень много чего – как сделали бы и оставшиеся, будь у них такая возможность. – Он вздохнул. – М-да. Я выгляжу старым дурнем, препираясь с ребёнком.

Мет-астис кивнул Соколу. Тот нырнул в пещеру и вскоре вернулся, таща один из больших сундуков. Приподняв его, Сокол кинул сундук в могилу.

– Видишь? – сказал мне Мет-астис. – Мы просто избавляемся от вещей, которые нам уже не нужны. А потом отправимся домой. С тобой мы закончили, и нам больше нечего здесь делать. – Он снисходительно махнул мне рукой. – Давай, уходи. Вернись в город или иди куда хочешь. Мне всё равно.

– Но ты... ты убил сэра Джерваса и сэра Розариту! Ты пришёл убить меня. Хотел закончить то, что начали боевые маги!

Мет-астис покачал головой, по-видимому, досадуя на мою непонятливость.

– Я пришёл за тобой, да. Мне нужен был объект для опытов. Что касается тех двух тристанских варваров, я объяснил им, кто ты такая и какое преступление они совершают, укрывая тебя. Но они насмехались надо мной. – Он коснулся щеки. – Женщина меня ударила.

Рука мага вновь повисла вдоль тела.

– Что за мир, в котором люди верят, будто могут безнаказанно бить лорд-магов джен-теп? Кажется, он позабыл, как произошла наша первая встреча.

– Ты пытался меня задушить!

Теперь Мет-астису вроде бы стало стыдно.

– Я был ранен. Не... очень хорошо соображал. Я потерял самообладание.

Он повернулся к Соколу, который закидывал в «могилу» второй сундук.

– Тут я прошу не брать с меня дурной пример, мальчик. Лорд-маг всегда владеет своими эмоциями, а не наоборот.

Сокол что-то пробурчал в знак согласия и принялся закапывать неглубокую яму.

Кожа на горле странно ощущалась в том месте, где на ней остались отметины. Я почесала шею.

– На твоём месте я не стал бы этого делать, – сказал Сокол. – Чернила глубоко проникают в плоть, до самых костей. Когда метки исчезнут, а царапины заживут, останется привязка.

– Как это? – спросила я.

– Ну, представь... своего рода ошейник, – отозвался Мет-астис, и в его голосе снова прозвучала снисходительность. Вероятно, он полагал, что любое более разумное объяснение покажется мне слишком сложным. – Если ты видишь собаку в ошейнике, то знаешь, что она чья-то, и не принимаешь её в расчёт. Понимаешь?

Миг он смотрел на меня, потом махнул руками.

– Объясни ей ты, – велел он Соколу.

– Когда тебе встретятся порядочные люди, они почувствуют, какая ты. Испытают отвращение к тебе, сами не понимая почему. Они будут сторониться тебя, медек. Избегать.

Мет-астис с энтузиазмом кивнул.

– Избегать. Да, это подходящее слово. Теперь можешь жить своей жизнью, маленький рыцарёнок. Иди куда хочешь, делай что хочешь. Но ты никогда не узнаешь чувства близости. Любой, кто примет тебя, сделает это лишь потому, что втайне желает тебе зла. Так же как твой народ всегда желал зла нашему.

– Настанет день, когда все медеки будут носить ошейники, – прибавил Сокол. – И вот тогда война между нами наконец-то закончится.

Я снова ошупала отметки – текстуру металлических линий и изгибы сигил. Что ж, Мет-астис не лгал, говоря, что возмущён поступком сэра Джерваса и сэра Розариты. Ещё бы! Ведь они дали мне дом и любовь. Теперь, с помощью своего ученика, лорд-маг позаботился, чтобы я больше никогда не увидела такой любви.

– А теперь беги. – Мет-астис небрежно махнул мне рукой и принялся кидать в грязную яму принесённые из пещеры вещи. – Темнеет, а маленьким девочкам не стоит ходить по ночам в одиночку.

Как бы там ни было, я осознала, что отступаю – назад, прочь от пещеры. Но даже тогда я продолжала плакать.

– Почему? Почему вы просто не убили меня?

Мет-астис оторвал взгляд от мусора, остатков еды и пустых винных бутылок.

– Убить? Зачем тебя убивать? Ты ребёнок.

Некоторое время я стояла, глядя на своих мучителей, которые снова принялись закапывать яму, уже забыв о моём существовании.

В последних словах Мет-астиса не было ни тени сарказма. Ни ненависти, ни горечи. Только сострадание.

Вор / Скупердяй

Вор исправляет несправедливость, перераспределяя богатства. Когда мир полон жадности, путь вора становится праведным. Но весы никогда не приходят к равновесию, и рано или поздно воры тоже начинают копить – для себя. Путь вора – это не Путь аргоси.

Глава 9. Отверженная

В городе под названием Домиза-Паго я лежала в тупичке, скорчившись под грудой мусора. Я слушала, как в квартирах наверху люди, уставшие от дневных трудов, спорят или смеются. Или занимаются любовью.

В этом переулке воняло и в лучшие времена, но теперь, когда трёхэтажные здания окутала темнота, здесь смешались запахи дюжины разных блюд, которые готовили и ели. Слишком много специй, мяса и – главное – густого маслянистого жира. От такого зловония у любого нормального человека заболел бы живот. Ну, а что до меня? Запах только усилил чувство голода.

Миновал мой тринадцатый день рождения, хотя я не знала точно, когда именно это произошло. Трудно уследить за датами, если вся жизнь сводится к примитивным действиям. Найти еду. Найти убежище. Не сдохнуть. Повторить это столько раз, сколько сможешь.

Лишь одно я знала наверняка: я бродяжничаю уже давно. С тех пор как я убежала из пещеры у пристани, прошла целая вечность. Сперва я забралась на речную баржу, едва хозяин повернулся спиной. Но он заметил меня среди мешков с зерном и выкинул в воду. Я едва не утонула, прежде чем нащупала ногами илистое дно по другую сторону реки.

Не смогу вспомнить название первого городка, в который приплелась насквозь промокшая, дрожащая от холода. Вскоре я уже убегала от лавочников, заметивших, как я краду их товары. Кстати, удобнее всего красть фрукты: в тележках вечно кто-то роется в поисках плодов получше, а торговцы хмуро смотрят на покупателей; они не заметят, если вы подберёте то, что упало. Конечно, это работает только до того момента, пока констебли не запомнят вас в лицо.

Бежать от них – значит бежать из города, а потом тащиться в следующий, куда придёшь ещё более худым и слабым, поскольку на дорогах между поселениями особо негде красть еду. Фермеры на удивление умело ловят воришек.

Я услышала скрип деревянной решётки – наверху открылось окно. Старик в фартуке что-то недовольно пробурчал и выбросил в переулок еду, оставшуюся от приготовления ужина.

Я выскочила из-под груды мусора и принялась шарить по земле, нащупывая огрызки подгнивших овощей и ошмётки хрящеватого пожёванного мяса. Я нашла даже кусок дынной корки на десерт. Почти праздник.

Вновь спрятавшись под грудой мусора в углу переулка, я принялась за еду.

Пока я не научилась находить достаточно еды, чтобы выжить, мне то и дело приходилось убегать от разбойников-мальчишек – хулиганов, которые прилипают к уличным детям, даже если у них нечего взять. Избиение доставляет им удовольствие.

Иногда приходилось убегать и от собак, которые нюхали меня и понимали, что я из тех, кого можно безнаказанно укусить. Собаки и мальчишки не слишком отличаются друг от друга.

А как насчёт добрых людей? Тех, кто сжалится над грязной девчонкой в лохмотьях и предложит ей еду и ночлег?

От них я убегала быстрее всего.

Я не знала наверняка, бахвалился ли Тёмный Сокол, уверяя, что металлические чернила на шее заставят порядочных людей сторониться меня. Говорил ли он правду – или нет. По прошествии месяца, проведённого в одиночестве, это уже не имело значения. Если выглядишь как я, не нужно никакой магии, чтобы приличные люди обходили тебя стороной, боясь подхватить какую-нибудь заразу.

Татуировки на шее иногда зудели, но, если я расчёсывала их, делалось ещё хуже. Поэтому я прикрыла сигилы куском ветоши, который оторвала от мешка с увядшим салатом, найденным на овощном рынке. Раздобыть этот салат было всё равно что найти сокровище. В тот вечер я сожрала его столько, что меня стошнило. А потом я доела салат – ещё быстрее.

Если я когда-то и обладала чувством собственного достоинства, то теперь отказалась от него. Так же как от храбрости, чести и сострадания.

Я жевала найденные хрящи, укрывшись в тёплой куче мусора в переулке. Это было хорошее место, и я надеялась, что сегодня никто меня отсюда не выгонит. Иногда удавалось отпугнуть людей, изображая трясучку, рыча и пуская слюни, которые выглядели как пена в уголках рта. Однако в большинстве случаев те, кто претендовал на моё место, выглядели не лучше меня.

Я научилась избегать зеркал. В тех редких случаях, когда я видела своё отражение в луже, то быстро отворачивалась. Целый год я ногтями соскребала всё необходимое для жизни с твёрдой поверхности мира, и за это время стала поистине жалкой. Я была тощей, грязной и гадкой. Даже нищенка из меня вышла не особо хорошая. Я вызывала отвращение у всех, кто меня видел, – и более всего у себя самой. Волосы, кожа, одежда – всё было в грязи. Я выглядела как скелет, как мертвец, пролежавший в земле несколько месяцев и вырытый лишь тогда, когда не осталось сомнений, что это действительно труп.

Иногда я жалела, что Мет-астис и Тёмный Сокол не убили меня. Иногда, не в силах больше терпеть, я оттягивала свой шарф из мешковины и чесала татуировки на шее. Ногтями я расцарапывала кожу до крови. Интересно, что произошло бы, если б я процарапала глубже? Если б мне удалось... Нет, не лезь туда. Не сейчас.

Один из сигиллов зачесался – на этот раз сильнее обычного. Я нагнулась, зачерпнула немного грязи и приложила к шее, надеясь уменьшить зуд, но это не помогло. Когда палец коснулся второго сигила, я ощутила покалывание. Секундой позже заныло в животе – словно моё одиночество превратилось в болезнь, пожирающую меня изнутри.

Подобное ощущение возникало не в первый раз, но раньше оно никогда не было таким сильным. Я будто бы... заблудилась в пустыне. Ты не знаешь, куда идти, но чувствуешь, что кто-то наблюдает за тобой.

– Да, – сказал жужжащий язвительный голос в моей голове.

Меня замутило ещё сильнее и стошнило всем, что я съела.

«Пожалуйста, – подумала я, уповая, что боги, которым молятся здешние люди, слышат меня, – пожалуйста, остановите это».

– *Я хотел на тебя посмотреть. Думал, ты уже будешь мертва.*

Звук был такой, словно сотни пчёл забрались ко мне в уши, дрались друг с другом и всаживали в меня свои жала. Но я всё равно узнала голос.

– *Тёмный Сокол...*

– *Знаешь ли, это не моё имя. Учитель даёт нам прозвища, отправляя на задания. Так мы можем делать то, что должны. Когда мы вернёмся домой, к своим семьям, будет считаться, что все эти деяния мы совершили, будучи не собой, а солдатами, действующими от имени своего народа.*

Я медленно и глубоко дышала, пытаюсь хоть немного унять тошноту.

– *Как же тебя зовут на самом деле?*

Пчёлы в ушах задрожали от смеха.

– *И что ты будешь делать с моим именем, медек? Отдашь его демону, чтобы он явился ко мне во сне?*

– *Я видела много жутких вещей, – безмолвно ответила я ему, – но лишь один раз действительно встретила настоящего демона. Хочешь увидеть его лицо?*

Я представила Сокола – его худощавую фигуру и широкие плечи. Лицо, настолько идеально вылепленное, словно скульптор сделал из лучшего мрамора воплощение героизма.

– *Ты насмехаешься надо мной?* – теперь в жужжании слышалось недовольство.

Тогда я вообразила его лицо ещё чётче. Волевою челюсть, строгий лоб. Взгляд говорил о долге и чести, но в глубине глаз плескалась тревога из-за того, что он сотворил...

– Довольно. Ты оскорбляешь меня, медекская девчонка.

– Я показываю, как выглядит настоящий демон, Сокол. Это не Мет-астис. Не просто мерзкий старик, не способный даже разглядеть зло в своих поступках. Это красивый парень, полный надежд и возвышенных идеалов, который убивает целые семьи. Убивает детей. И говорит себе, что этого требует война... хотя она кончилась триста лет назад. Ты чудовище, Сокол. Не я. Не мой народ. Ты.

– Посмотри на себя, медек.

Внезапно он ошарашил меня видением, вытасненным из моих собственных воспоминаний, – о том, как неделю назад я смотрела на своё отражение в луже. Но тогда я бросила на себя лишь мимолётный взгляд, а сейчас он заставил меня увидеть всё с потрясающей чёткостью.

– Почему ты так живёшь? Только посмотри на грязь, которую ты ешь. Я бы лучше умер, чем стал таким как ты!

– Я тоже, – ответила я.

Теперь в голосе Сокола почти что слышалось сочувствие. Он сказал:

– Тогда утопись. Или подойди к краю пропасти и прыгни вниз. Дальше будет только хуже. Сигилы, которые я начертил, оказались даже сильнее, чем думал Мет-астис, и впереди ещё большие страданий. Избавь себя от них. Я... не планировал причинить тебе вред таким образом.

Я бы рассмеялась, если б мне не было так худо. И я не знала, сколько ещё продлится эта связь между нами, прежде чем она меня убьёт. Сокол, видимо, тоже это понимал, поскольку через секунду связь прервалась.

Меня стошнило в последний раз. Я лежала среди мусора, дрожа и раздумывая: может, Сокол прав? Зачем так жить? А если станет ещё хуже...

Нет. Они не должны победить.

В тот день, когда Мет-астис отпустил меня, позволив уйти от пещеры... Я не могла избавиться от воспоминаний. Они были словно пиявка, присосавшаяся к коже.

«Зачем тебя убивать? Ты ребёнок».

Теперь я окончательно уверилась, что это не было милосердием. Всё, что происходило со мной... то, чем я становилась... Так и было задумано. Я сделалась жалкой тварью, боящейся доверять хоть кому-нибудь. И недостойной доверия – даже если б нашёлся глупец, который мне его предложил бы. Воришка. Нищенка. Гадкое существо. Такими Мет-астис видел медеков, и в это ничтожество он меня превратил.

«Настанет день, когда все медеки будут носить ошейники, – сказал Сокол. – И вот тогда война между нами наконец-то закончится».

Нет. Не закончится. Не будет лёгкого выхода ни для меня, ни для тебя, Сокол. Если мир хочет, чтобы я умерла, пусть придёт и убьёт.

Дрожащей рукой я потянулась к дынной корке, припасённой на десерт, и попыталась насладиться вкусом.

Доев, я провела пальцами по своим ветхим лохмотьям, засаленным волосам и грязной коже. Сокол прав: не стоит так существовать. Жизнь украла у меня всё достоинство. Завтра я начну забирать его обратно.

Глава 10. Пальто

Чистота – это роскошь, которую не трудно приобрести богатым, но недоступная для бедных. Если вы живёте в красивом доме с мраморной ванной, которая наполняется по акведукам, соединённым с вашими личными цистернами во дворе, пресная вода предоставляется бесплатно. А вот на улицах чистой воды нет нигде.

Бедняки пьют гадкую бурду под названием «лёгкое пиво». Оно дешёвое, редко вызывает рвоту и позволяет немного захмелеть на весь день. Ремесленники и торговцы тратят несколько медных денег на еженедельные походы в общественные бани. Остальным из нас надлежит привыкнуть к вони.

Но я родилась не для такой жизни. Медеки, даже бродя по континенту, находят ручьи в лесах или оазисы в пустынях, чтобы помыться и выстирать одежду. В Домизе-Паго лучшее, на что я могла надеяться, – тёплая дождливая ночь. Пока остальные прятались под крышами, я искала укромное место в каком-нибудь общественном парке, где можно было раздеться и позволить дождевым струям освежить тело. Опасное занятие, если ты мал и беззащитен. И даже когда мне удавалось урвать несколько минут уединения, потом всё равно приходилось надевать свои грязные лохмотья. Вскоре я смердела так же отвратительно, как прежде. Просто была ещё и мокрой.

Но магическое вторжение Сокола в мои мысли зажгло во мне огонь. Я устала жить как неприкаянный призрак. Устала смотреть на жуткое, тощее, бесполое существо, чьё отражение видела в мутных городских лужах. Я хотела снова стать чистой. Хотела прилично выглядеть. Посему моё первое ограбление в быстрой карьере профессионального вора требовало отправиться в те места, где шили одежду.

Одни только эти планы – не говоря уж о том, чтобы претворить их в жизнь, – требовали много усилий. Большую часть времени я проводила на ногах, чтобы добыть еду и выжить, а остальное – в поисках подходящего места для ночлега. Прячется в закоулках района портных целыми днями было рискованно. И улыбнётся ли мне удача, нет ли – вечером всё равно захочется есть... Однако дело того стоило.

Сперва я решила красть из магазинов попроще, рассудив, что дешёвые грубые штаны, рубашки и нижнее бельё будут охраняться не так тщательно, как роскошные наряды. Но не прошло и часа с начала миссии, как я узнала, что всё наоборот: продавцы недорогой одежды очень бдительны. Они знали, что их могут ограбить. Зачастую те, кто работал в задней части магазина, следили за потенциальными ворами, пытающимися проникнуть в переулок.

А как насчёт модных магазинов? Тех, где продаются шарфы из берабесского шёлка, гитарийские вышитые хлопковые туники и бриджи из забанской кожи?

Тут внимание было полностью сосредоточено на богатых клиентах. В конце концов, что будет делать мелкий воришка с элегантною платьем сапфирового цвета или богато расшитым бордовым пальто? Час сумерек в торговом квартале самого фешенебельного района Домизы-Паго был известен как *invatio*. В это время магазины закрывались для всех, кроме особых гостей – в основном знати. В самых престижных заведениях они могли расслабляться, потягивая дорогие вина и наслаждаясь заморскими деликатесами, пока владелец лично демонстрировал свои лучшие товары.

К несчастью для многих торговцев, в этот час дворяне Домизы-Паго устремлялись в те магазины, где можно было найти последние новинки моды, оставляя все прочие пустовать. Положительным моментом – по крайней мере для моего плана – было то, что эти дорогие, но менее популярные заведения тоже закрывались, дабы сохранить иллюзию элитарности.

Когда солнце начинало клониться к закату, многие владельцы магазинов запирали парадную дверь лишь затем, чтобы выскользнуть через чёрный ход и отправиться в ближайший кабак топить своё горе в вине.

Итак, я выбрала очень хорошо оборудованную мастерскую по изготовлению пальто под названием «Тунико Сплендира».

Перспектива получить пальто – пальто из настоящей овечьей шерсти – заставляла меня дрожать от волнения. Более того: в задней части здания «Тунико Сплендира» находилось маленькое подвальное окошко высотой не более двух ладоней. Оно оставалось открытым, чтобы рабочая комната под магазином проветривалась в вечерней зной. Окно было слишком узким для воров... при условии, что вор – не тонкокостный тринадцатилетний подросток, который больше года питался кое-как.

Зацепив рёбрами оконную раму, я скользнула внутрь, затем съехала по стене и неловко приземлилась на лодыжку. Пришлось зажать рот ладонью, чтобы удержаться от крика. А потом, когда глаза привыкли к темноте в подвале «Тунико Сплендира», я начисто позабыла о боли. Ателье было намного больше, чем казалось снаружи, и уставлено верстаками и полками с рулонами всевозможных тканей. План мой состоял в том, чтобы пробраться наверх, схватить первое, что попадётся под руку, и выскользнуть обратно. Но помимо воли я задержалась и поводила пальцами по рулонам шёлка, льна и шерсти. Текстуры тканей напоминали вкус разных, но равно восхитительных сыров. Прикасаться к чему-то столь роскошному – это было... ну... даже не знаю, как объяснить.

Думаю, сейчас я была похожа на тех людей, которые выходили из задымлённых притонов, потратив недельную зарплату на трубку с особой смесью трав, приносивших, как говорили, невиданную радость и удовольствие. Но я сомневалась, что это могло сравниться с моим. Я чувствовала себя сильной. Особенной. Раньше я краля только всякие мелочи вроде червивых яблок или заплесневелого хлеба. Брала вещи первой необходимости, в которых ни один медек не отказал бы даже врагу. Прогулка по этой подвальной мастерской заставила меня почувствовать себя завоевателем, осматривающим свои новые владения.

«Сперва пальто», – напомнила я себе. Надо было смыться до того, как закончится час инвентаря и вернётся продавец.

Я крадучись поднялась по лестнице в торговый зал наверху. Даже при тусклом свете, который пробивался сквозь полузакрытые окошки под потолком, мне приходилось щуриться и моргать, потому что полированные дубовые полы и блестящие медные светильники сияли как звёзды. Я двигалась осторожными шагами охотника, ища добычу среди вешалок с пальто всевозможных фасонов. Мало-помалу я начала отчаиваться: тут было слишком много вариантов. Как из всего этого выбрать?!

Вот оно! В задней части зала стоял манекен, изображающий мальчика. Он целился из арбалета в резную деревянную утку, подвешенную к потолку на четырёх верёвках, что создавало иллюзию полёта. Манекен был одет в длинное кожаное охотничье пальто, предназначенное для сына какого-нибудь лорда, который, вероятно, не сумел бы даже прицелиться из этого арбалета, не говоря уж о том, чтобы убить дичь одним выстрелом. Но мне было плевать, поскольку его пальто оказалось идеалом совершенства. Оно было гладким, коричневого цвета – настолько тёмного, что казалось почти чёрным. Иными словами, его трудно будет разглядеть в ночном мраке. Кожа была стильно состарена, создавая иллюзию, что пальто уже поношено. Добавить немного грязи и сажи – и оно даже не привлечёт внимания констеблей.

Я плавно скользнула по полу к манекену, как будто мы с деревянным мальчиком собирались танцевать.

Семь пуговиц были вырезаны вручную из тёмно-красного дерева с бордовым отливом, что придавало им оттенок вина. Они расстегнулись от единственного моего прикосновения. Я взяла один из рукавов и поцеловала манжету, вдыхая пьянящий аромат кожи и дорогих

масел. Когда я накинула пальто на плечи, меня обняла шёлковая подкладка, которая – я знала – согреет меня зимой и подарит прохладу летом. Я влюбилась.

Говорят, любовь способна сделать глупцом любого мудреца. Чего же тогда ожидать от маленькой простофили, которая лишь воображает себя настоящей воровкой?..

И тут я услышала скрип. А следом за ним грохот. Скрип издавали замки входной двери, грохот – хозяин магазина, который вернулся слишком рано. Бежать некуда. Лестница, ведущая в подвал, слишком близко к двери, а я в задней части торгового зала.

Я метнулась за одну из вешалок с пушистыми мехами. Дверь распахнулась. Вошёл хозяин, неловко двигаясь и чуть ли не приседая перед своими гостями.

– Достойные господа, какая честь! Огромная честь! Рад вам услужить...

Один из двоих мужчин прервал его, издав такой звук, будто сплюнул, а потом сказал на языке, который вряд ли понимал дароменец:

– Как же они блеют, эти варварские овцы!

Я напряглась всем телом. Сердце застыло, и с губ сорвался тихий стон. Я не знала этих двух людей, явившихся вместе с хозяином, зато отлично понимала язык, на котором они говорили. Любой медек перехватывал пару слов здесь и пару там, когда они являлись убивать нас.

Второй джен-теп повернулся в мою сторону, и хотя я пряталась за мехами, сердце кричало, что он видит меня.

Маг улыбнулся.

Глава 11. Встреча

– Какая у вас там забавная витрина, – сказал один из джен-теп – тот, что был повыше. – Располагает ли вашу дароменскую клиентуру к покупке одежды вид голого мальчика, стреляющего в уток?

Он смотрит на манекен, а не на меня!

Хозяин магазина повернул голову и прищурился.

– Э-э... мой помощник должен был переодеть манекен на этой неделе, милорды. В нашем городе мода очень быстро меняется, понимаете ли. Видимо, он ушёл, не доделав работу. Я исколочу мерзавца до полусмерти, не сомневайтесь.

Перейдя на язык джен-теп, маг сказал своему спутнику:

– Один баран отдаёт другому барану приказ и удивляется, почему он не выполнен должным образом.

Хозяин, опасаясь, что неуместная нагота манекена может оскорбить гостей, зашагал через торговый зал, устремившись к деревянному мальчику. Как только он подойдёт – увидит меня за вешалкой с мехами! Я запаниковала. Если сперва мои конечности застыли от ужаса, то теперь они превращались в желе. Он меня найдёт! И конечно же...

– Мы спешим, – сказал второй маг, пониже ростом, заставив дароменца вернуться назад. – Либо покажите нам товары, либо мы поищем их в другом месте. И тогда вы окажетесь беднее, чем были, во многих отношениях. Это я вам обещаю.

Владелец магазина поспешил подчиниться, и на меня снизошло облегчение. Однако, сделав только шаг, хозяин остановился и принялся. Я снова прокляла себя за то, что была такой грязной. Дыхание участилось. Я слышала, как воздух со свистом проносится между губами – так хрипит умирающее животное в конце своего последнего отчаянного бега.

Я зажала рот.

«Тихо! – приказала я дрожащему телу. Не двигайся. Не шевелись. Не дыши».

Разумные слова, но страх, как и любовь, делает глупцом даже мудреца. Я почувствовала резкую вонь. Не обычный запах беспризорников, который они носят с собой повсюду, но тем не менее знакомый. Одной ноге стало горячо, а потом я, заодно с хозяином магазина и его гостями, обнаружила, что на пол полилась струйка, образуя подо мной жёлтую лужу. Запах достиг ноздрей двух джен-теп, ожидавших в передней части магазина.

– Что это за мерзость? – спросил высокий маг. У него было узкое ястребиное лицо.

С рёвом владелец магазина отшвырнул вешалку с мехами, за которой я пряталась. Он схватил меня за лацканы моего любимого украденного пальто и свалил с ног, швырнув на пол. Я приземлилась на вывихнутую лодыжку и вскрикнула.

Два мага поначалу наблюдали с удовольствием. Я стояла перед ними на коленях, словно моля о милосердии. Однако, когда я подняла взгляд, их глаза расширились, как будто они увидели кровь медеков, текущую по моим венам. Как будто металлические символы, вытатуированные на моей шее и ненадёжно скрытые воротником пальто, зывали к ним, предупреждая, что здесь самый гнусный их враг.

Хозяин магазина подошёл сзади. На этот раз он схватил меня за волосы и вздёрнул на ноги. Второй рукой мужчина стиснул мой подбородок, сжав его с такой силой, что показалось: он вот-вот сломает мне шею.

Но я смотрела на двоих джен-теп, гадая, каким заклинанием они прикончат меня. Будет ли это магия огня или железа, дыхания или крови, шёлка или песка. А затем, в этот краткий миг между унижением и смертью, произошло чудо. Джен-теп посмотрели прямо на меня – сквозь меня – и засмеялись.

Медеки ничем не отличаются от других людей, живущих на этом континенте. Некоторые из нас тёмные, некоторые – светлокожие. Думаю, в основном мы слегка смугловатые. Однако волосы у нас чаще светлых оттенков, и я ещё не встречала никого с такими же рыжими кудрями, как у меня и других членов моего клана. Но теперь мои волосы были сальными, спутанными и более всего походили на пропитанную жиром и грязью швабру. Тем не менее эти двое мужчин в прекрасных шёлковых одеждах были магами джен-теп, а я – их давним врагом. Как же вышло, что они меня не узнали?

– До чего мерзкое существо! – сказал низкорослый маг с круглым лицом. Он отвёл от меня взгляд и посмотрел на торговца. – Это твоя дочь, да?

Его спутник снова рассмеялся.

Хозяин швырнул меня на пол. Приподняв голову, я увидела, что он схватил металлическую вешалку для одежды. Когда он занёс её над головой, моё вероломное тело наконец-то пришло мне на помощь. Не обращая внимания на боль в лодыжке, я вскочила и промчалась мимо двух джен-теп, на мгновение ощутив прикосновение мантии высокого мага к моему лицу. Он отшатнулся, и через несколько секунд я уже неслась вниз по лестнице. Грохот тяжёлых шагов торговца преследовал меня через весь подвал, пока я не бросилась на стену и не ухватила за выступ под окном. С силой, порождённой отчаянием, я вытащила себя в переулочек, ни разу не попав под удар металлической вешалки.

Задышавшись, словно собака, я сделала несколько шагов заплетающимися ногами, а потом они отказали. Побег съел мои последние силы.

Сидя в сгущающихся тенях, я прислушивалась. Я ждала, когда откроется задняя дверь ателье, но в переулочке стояла тишина. Мой преследователь решил, что возможность всучить покупку двум богатым магам джен-теп выглядит более привлекательной, чем погоня за художничкой девахой в украденном пальто. Я замёрзла, вымоталась и воняла хуже, чем когда-либо. И всё же почувствовала, как губы растягиваются и прохладный ночной ветерок холодит зубы. Я ухмылялась – как идиотка.

Эти двое джен-теп смотрели на меня в упор, но не увидели демонопоклонника-медека. Они даже врага не увидели. Только маленькую замурзанную девчонку – вонючую дочку торговца. Несмотря на нашу многовековую вражду, несмотря на эти проклятые символы на моей шее, я была для них пустым местом.

Внезапно меня переполнил восторг. Я стояла лицом к лицу с существами из своих кошмаров – и ушла невредимой!

«И даже лучше того», – подумала я, погладив кожаный лацкан нового пальто.

Не обращая внимания на боль в лодыжке, я гордо вышагивала по переулочку. Насвистывала про себя и глядела на свои счастливые звёзды, подмигивающие с небес. Первое ограбление – и сразу такой успех! Почти двадцать секунд я считала себя лучшим вором во всей Домизе-Паго.

А потом мне на голову накинули мешок, и звёзды исчезли во тьме. Петля, которая, по всей видимости, была прикреплена к мешку, затянута на моей шее, и я начала задыхаться.

Глава 12. Суд милосердия

Есть одна вещь, о которой вы узнаете почти сразу же, прибыв в Дароменскую империю: здешние люди действительно гордятся своей судебной системой. У них есть целые книги (не то чтобы я их читала – как и большинство дароменцев), в которых разъясняется, почему механизмы осуществления правосудия так же важны, как и сами законы. В конце концов какой смысл разрешать эту малопонятную «защиту в суде», если у многих обвиняемых нет денег на адвокатов и образование, чтобы хотя бы прочитать юридические книги самостоятельно? Как может правовая система называть себя справедливой, если надлежащая защита доступна только богатым?

Вероятно, вы скажете, что проблему можно решить, если империя предложит всем своим гражданам бесплатное юридическое представительство. Однако это не соответствует дароменскому духу *Nimen optimi altudas* – «Пусть возвысится лучшее», что является другим способом сказать: «Богатые богаты, потому что они лучше вас».

Таким образом, уникальность Дарома состоит в том, что у них есть не один, не два, а целых три совершенно разных набора судов. Один для дворян, которых представляют высокооплачиваемые адвокаты. Второй – для среднего класса, чьи обычно неискусные аргументы интерпретируются судебным переводчиком. Для бедных же, у которых нет ни денег на адвокатов, ни образования, чтобы разобраться в хитросплетениях правовой системы, существуют *curitas clementia* – суды милосердия. «Кающийся будет умолять, пока оглашается обвинение».

Через чёрную дерюжную ткань мешка голос магистрата казался очень молодым. Или, может, он был просто слишком увлечён.

Обвиняемый, представший перед судом милосердия, не является подзащитным. В конце концов неужели нищий заявит, будто констебль лжёт, если тот уверяет, что поймал его на краже чужого имущества? Скажем, новенького охотничьего пальто? Кроме того, если бы всякому вору в городе размером с Домизу-Паго было разрешено доказывать свою невиновность, система судов милосердия рухнула бы в один день. Поэтому, когда преступника приводят к магистрату, он считается «кающимся». Разумеется, не для того, чтобы его простили. Он униженно стоит на коленях и протягивает руки к судьям, умоляя о милосердии. В большинстве случаев это позволяет магистрату пропустить всё разбирательство и сразу перейти к вынесению приговора.

Я раньше не сталкивалась с судами милосердия; до сих пор мне удавалось держаться от них подальше. Но, живя на улицах, вы кое-что узнаете тут и там, и я никогда не слышала, чтобы кого-нибудь приводили к магистрату с мешком на голове.

– Кающаяся будет умолять о...

– Я требую права отстаивать свою позицию, – сказала я, прерывая его.

И тут же рефлекторно съёжилась, ожидая, что кто-нибудь ударит меня по голове. Оказалось: мои инстинкты, в общем-то, не вдали.

– Прокурор, запрещено избивать кающуюся, пока магистрат не примет решение относительно данного возражения!

– Прошу прощения, – отозвался грубоватый ворчливый голос.

Послышались смешки и улюлюканье, а также – несколько крепких словечек сомнительной юридической ценности.

– Итак, – продолжал магистрат высоким голосом, – в чём состоит мольба, которую кающаяся так смело высказала перед этим благочервивым судом?

– Думаю, вы имели в виду «благочестивым», – заметила я.

– Прокурор, приструните кающуюся!

Моя воинственность вызвала новые смешки в рядах публики. И я опять получила по голове. К счастью, на этот раз не так сильно.

Зал суда, видимо, не слишком хорошо освещался. Хотя мешковина была неплотной, я видела вокруг себя лишь нечёткие тени.

– Суд ожидает мольбы кающейся, – сказал магистрат, но в его голосе было больше азарта, чем нетерпения.

– Во-первых, снимите с меня этот проклятый мешок. Он...

На сей раз от удара я пошатнулась. Кто-то поймал меня, прежде чем я упала, а потом швырнул на колени.

Теперь перед глазамиплыли только желтоватые пятна.

– Чрезмерная жестокость! – заявил магистрат.

– Она это заслужила, – возразил прокурор.

– Возражение поддержано.

Из зрительного зала раздался смех, и что-то мокрое забрызгало мне пальто со спины.

«Ну ясно, – подумала я. – В этом суде нет ничего милосердного. И ничего особенно судебного».

Когда я жила у двух рыцарей, они настояли, чтобы я изучила основы дароменской юридической системы.

– Каждый гражданин должен иметь понятие о законах страны, в которой он живёт, – проповедовал лорд Джервас.

Я как раз вернулась из школы, только что изучив, какие цвета приличная дама должна носить в различных официальных случаях.

– Даже если эти законы никчёмны и глупы? – поинтересовалась леди Розарита.

– Особенно тогда, – ответил Джервас.

Итак, пусть я и не была экспертом, но всё же кое-что знала о дароменском правосудии. И это, как я понимала, делало меня гением правоповедения в зале, наполненном идиотами. Вытянув руки и подняв ладони вверх, я громко заявила:

– Я умоляю о tuta a lebat!

Последовала короткая пауза, а потом охи и ахи разнеслись по залу суда – вернее, по какому-то сырому подвалу, в котором мы находились.

– Кающаяся подала прошение об утке и лебедь! – провозгласил магистрат, издав звук, как будто бил жестяной чашкой по... ну, по другой жестяной чашке.

– Утка и лебедь! – воскликнула публика.

– Что такое «тута а лебат»? – спросил грубоватый прокурор, на удивление правильно произнеся слова. Затем он снова ударил меня по голове. – Ты это только что выдумала, верно?

Однако магистрат – возможно, его убедил нарастающий хор голосов: «Утка и лебедь! Дайте нам утку и лебедя!» – вынес решение в мою пользу.

– Кающаяся предложила свою линию защиты! Имейте в виду, – сказал он, снова лязгнув жестяными чашками, – что этот суд хорошо знаком... фактически мы все тут эксперты по любым уткам и лебедям. И мгновенно поймём, если кающаяся что-нибудь выдумает.

– В высшей степени разумно, ваша судейшество, – сказала я и неловко поднялась на ноги. – Я не сомневаюсь что суд хорошо осведомлён о защите тута... утки и лебедя. Она требует, чтобы подсудимый был избавлен от мешков на голове, повязок на глазах и разнообразных телесных повреждений.

Шум нарастал, превратившись в своего рода какофонию. Тем временем магистрат пытался выяснить, лгу я или нет. Дело в том, что действительно существует судебный принцип под названием tuta a lebat. Просто его нет в дароменских законах. Он возник в стране, откуда были родом два рыцаря. Когда лорд Джервас впервые разъяснил мне его, я сказала, что это звучит как довольно упрощённый – если не сказать тупой – способ урегулирования юридических споров. Джервас настаивал, что на самом деле всё гораздо сложнее, чем кажется. И что

маленьким девочкам, которые даже не могут как следует заправить постель, не следует презирать тысячелетние правовые традиции великой страны.

– Поторопитесь! – крикнул кто-то в галерее. К оратору тут же присоединились другие голоса.

Наконец магистрат вынес решение относительно моей просьбы – без сомнения понимая, что толпа жаждет продолжения веселья.

– Возражение поддержано, – объявил он. – Прокурор, снимите с кающейся мешок.

– Ладно, – проворчал прокурор.

Чтобы снять мешковину с чьей-либо головы, как правило, не требуется удушения, а также ударов локтем и кулаком. Однако прокурор сделал и то, и другое, и третье.

– Ты пожалеешь об этом, – предупредил он, наконец-то стянув с меня мешок.

Откинув волосы с лица, я в полной мере оценила величие зала суда. Как я и предполагала, это был какой-то подвал. На грязном каменном полу кое-где валялись обломки серых плиток. Стены были сложены из таких же блоков, скреплённых крошащимся раствором. Потолок вздымался футах в сорока над головой и оказался неровным и шершавым, как свод пещеры.

– Где мы? – спросила я.

– В том месте, откуда крысы вроде тебя никогда не выходят, – сообщил мне прокурор.

– И так?.. – спросил магистрат, снова издав лязг. Он и в самом деле держал в руках две помятые жестяные чашки.

Он был, вероятно, моего возраста, но тонкие руки и гладкие мальчишеские щёки заставляли его казаться ещё младше. Магистрат восседал на каменной полке, высеченной в скале. С края полки торчали обрубки его ампутированных ног. Десятка три зрителей сидели на разномастных деревянных стульях или разломанных каменных плитах. Я видела вокруг худые лица с дикими ухмылками на губах. В основном тут были подростки на пару лет старше меня. Я заметила несколько человек чуть за двадцать, но вместе с тем – двух или трёх детей не старше семи. Разный рост и телосложение, разный цвет кожи и волос... но всех в этом подвале объединяло одно: они, несомненно, были ворами. Как я и подозревала, меня схватили вовсе не констебли, а банда, на чьей территории я украла пальто.

– Кающаяся, озвучь свою линию защиты, – приказал мальчик-магистрат, – или суд вынесет приговор!

Я перевела взгляд с него на крепко сбитого прокурора с квадратной челюстью. Ему было лет шестнадцать. Потом я оглядела остальные лица. В считанные секунды у меня созрел план.

Формально моё обучение закончилось в ту ночь, когда Мет-астис убил сэра Джерваса и сэра Розариту, но за год, проведённый на улице, я наловчилась читать по лицам, позам и одежде так же, как читала книги.

Одна ухмылка может означать радость, другая – опьянение, третья – безумие. Прекрасную новую шляпу иногда носит не преуспевающий человек, а тот торговец, чей бизнес терпит неудачу и кому нельзя отставать от конкурентов. Богатая женщина может одеться в простое платье, чтобы не приставали нищие вроде меня, когда она прохаживается по рынку. Я выучила целый язык улыбок и хмурых взглядов; некоторые из них были настоящими, а некоторые – масками, надетыми, чтобы скрыть под ними извращённые желания.

Бедность – настоящая бедность – подразумевает, что помимо всех страданий и печалей вы чаще всего живёте скучно. Именно это я видела сейчас за всеми усмешками и ухмылками, угрозами и мрачными взглядами, адресованными мне.

Даже страдание становится утомительным, если вы живёте с ним день за днём. Сейчас задача состояла в том, чтобы развлечь эту стаю диких собак, не дав им разорвать меня на части.

– Понадобятся две палки, – сказала я «магистрату». – Примерно по два с половиной фута в длину.

– Зачем тебе эти палки? – спросил он. И тут же смутился, поняв, что показал себя невеждой в плане знания юридических тонкостей, касающихся уток и лебедей.

Я кивнула на крупного парня, явно разочарованного тем, что роль прокурора не даёт ему права просто-напросто избить меня.

– Одна для меня, одна для него.

Tuta a lebat на языке родной страны сэра Джерваса и сэра Розариты означает «истина через битву». Это правовая основа для судебного разбирательства поединком.

Глава 13. Суд поединком

После того как маг джен-теп убил моих родителей, я долгие дни и недели ютилась в переполненных людьми самодельных палатках вместе с остатками моего клана. И много думала о правосудии. Но не о том правосудии, какое искали мои сородичи-медеки, молясь разным богам (я уже тогда была уверена, что никаких богов нет).

Наши старейшины сидели на улице, в холоде, раскинув руки, и плакали:

– О, владыки земли и повелители неба, лорды грома и леди молний, почему вы не защищаете нас от врагов?..

Думаю, вы понимаете, какие ответы они получали. Обычно – потоки дождя, льющиеся на голову, что и было ключом к разгадке. Хотя на самом деле несправедливо обвинять в своих бедах тех, кого, вероятно, вообще не существует.

Меня волновали не боги. Мой вопрос был намного проще: как может слабый праведник победить сильного нечестивца?

Ответ предельно краток. Никак.

В любом честном бою у кого-то есть преимущество, и это почти никогда не связано с его яркой индивидуальностью. Прекрасные личные качества – такие как отвага, решительность или чистоплотность – не защищают от противника, который крупнее, быстрее или лучше умеет драться. И уж точно не спасают от заклинаний, способных выжечь вам внутренности.

Прокурора, чьё имя я узнала из приветственных выкриков его товарищей, сидящих в сыром подвале, звали Лепесток. И если это кажется странным именем для крупного звероподобного парня, что ж, возможно, на самом деле его звали как-то иначе. Например, Гризо, или Терберон, или Фериус... Хотя погодите. Фериус – моё имя. Вроде бы. Или это кличка какой-то собаки?.. Я предупреждала, что иногда путаюсь.

Так или иначе, у Лепестка имелись все указанные преимущества. Он был на фут выше меня, вдвое крупнее, широк в плечах, с более длинными руками. А единственный жёсткий взгляд глубоко посаженных глаз сказал мне, что он опытный боец и к драке отнесётся серьёзно, даже если противник – тощая девчонка в краденом пальто и с палкой в руках.

– Считаю до трёх, – нетерпеливо произнес наш безногий магистрат. – Раз... два...

– Стой! – крикнула я.

Он закатил глаза.

– Ну что ещё?

– Слишком поздно сдавать назад, – буркнул мне Лепесток.

Он сделал несколько пробных взмахов палкой длиной два с половиной фута. Я не стала просить, чтобы палки были скруглены на концах. Более того: дети, которые отправились на поиски нашего импровизированного оружия, притащили ему такую толстую дубину, что он наверняка мог переломать мне все кости.

Несправедливо? Само собой. Но так это работает.

Раньше я часто думала о справедливости и в конце концов пришла к выводу, что несправедливость в мире определена самими законами природы. Большой полезнее нежного; быстрое лучше, чем смешное; коварство побеждает в битвах гораздо чаще, нежели честность. Давайте посмотрим правде в глаза: жизнь устроена так, чтобы не быть справедливой. Это значит, что справедливость – целиком и полностью человеческое изобретение, нарушающее основные законы природы.

Итак, отвечает ли это на мой вопрос, как слабый праведник побеждает сильного злодея?

– Правила! – громко заявила я магистрату – с такой страстью, что очевидную правдивость моих слов невозможно было отрицать. – Как известно всем учёным юристам, строгие

правила *tuta a lebat* всегда должны оглашаться перед битвой – для наставления столь благородной аудитории, как эта.

Я, вероятно, немного переборщила. Едва ли многие здесь знали слово «оглашаться», не говоря уж о «наставлении». Тем не менее им понравилось, что их назвали благородными, и они зафыркали от смеха. Беднякам никогда не надоедают шутки, в которых вы представляете их как богатых лордов и леди.

– Единственное правило, которое тут имеет значение – я забью тебя до смерти! – прорычал Лепесток.

– Разумеется, придурок. – Я отвернулась от него и обвела аудиторию широким жестом. – Но только если будешь соблюдать священные правила *tuta a lebat*.

Прежде чем Лепесток успел сказать что-нибудь ещё, я обратилась к магистрату:

– Ваше судейство желали бы сами огласить их публике или это сделать мне?

На его лице промелькнула лукавая ухмылка. Думаю, тот, кому приходится жить такой дрянной жизнью, вдобавок не имея ног, знает о несправедливости гораздо больше меня. И думаю, ему было любопытно посмотреть, чем всё закончится.

– Кающейся дозволяется изложить правила *tuta a lebat*... как и положено в таких случаях.

Он что, подмигнул мне?..

– Правила очень просты, – тут же начала я, не дав Лепестку вновь заорать, что я тяну время. – Во-первых, удары могут быть сколь угодно сильными, жёсткими и беспощадными.

Это вызвало аплодисменты и овации, особенно у Лепестка.

– Но лишь до тех пор, – продолжала я, – пока мы бьём друг друга этим оружием, дарованным нам самими богами.

Тут у публики возникло недоумение. Уличные дети привыкли драться в рукопашную и как попало – без всяких там правил, которые вы используете, обучаясь фехтованию. Лепесток выглядел недовольным. Собственно говоря, я лишила его половины всех преимуществ и ограничила возможность использовать физическую силу. Он по-прежнему мог дотянуться до меня, но я, потребовав палки по два с половиной фута, обеспечила подходящий размер для своего роста и длины рук, а Лепестку палка была коротковата. Обычно для парня вроде него это не становилось проблемой, поскольку он смог бы выдержать несколько ударов и, подойдя вплотную, пустить в ход руки и ноги. А кроме того...

– Тот, кто коснётся противника чем-нибудь, кроме палки, нарушит правила *tuta a lebat* и должен понести наказание.

Лепесток, казалось, собирался возразить против таких правил, но тут из зрительного зала крикнули:

– Это какое же? Что за наказание?

Я резко обернулась, поскольку впервые кто-то из публики сказал нечто более сложное, чем «Прикончи её» или «Утка и лебедь».

Чуть в стороне, прислонившись к остаткам разбитой каменной колонны, стояла высокая девушка, на пару лет старше меня. Она была тощей, как я, но жилистой, а не костлявой. Как и у большинства в этой банде малолетних воров, её одежда являла собой разномастные ворованные лохмотья. Единственное отличие заключалось в том, что она носила только тёмно-алое, с головы до пят. Казалось: девушка вся покрыта засохшей кровью.

Широкие алые штаны выглядели так, словно их украли у актёра из шоу про пиратов. Алый кожаный жилет оставлял руки обнажёнными, и я заметила на её плечах шрамы, протянувшиеся до самой шеи, словно девушка пережила повешение. Ещё один виднелся на щеке чуть ниже правого глаза. Девушка носила серьги и браслеты, что необычно для вора, но её украшения тоже были тёмно-алыми и потому не отражали свет. На голове, прикрывая белокурые локоны – единственное, что у девушки не было алым, – красовалась шляпа жителей пограничья, какие носили дароменские пастухи. И вот она-то алой была.

Эта шляпа оказалась едва ли не самой крутой вещью, какую мне доводилось видеть. Я смотрела на девушку словно на мираж в пустыне. Меня переполнял восторг. Конечно, это была не любовь, поскольку во всём большом мире я любила только своё новое пальто. Мне просто... просто хотелось, чтобы уверенная дерзкая ухмылка, игравшая на губах воровки, была моей. Нет, я не влюбилась в алую девушку – я хотела быть ею.

– Ну? – спросил Лепесток у меня за спиной. – Что за наказание мне грозит, если я двину тебя кулаком вместо палки?

– Хм? О, верно. Это легко. – Я медленно повернулась на каблуках, обратившись разом ко всей толпе грязных, разнузданных, жаждущих развлечения молодых воров. – Наказание – разумеется, смерть!

Прежде чем Лепесток успел возразить – и ещё до того, как стихли крики, вой и свист, – я прибавила:

– И, как известно буквально всем в этом великолепном суде, второй закон *tuta a lebat* требует, чтобы каждый удар сопровождался либо вопросом, либо обвинением, либо опровержением.

– Опровер... жжением? – переспросил Лепесток. – Ты это только что выдумала!

Толпа, похоже, считала так же.

– Опровержение – значит несогласие, дубовая твоя башка, – сказала девушка в красной шляпе.

– Закрой рот, Арисса, – прорычал в ответ Лепесток, ткнув в её сторону палкой, словно это был какой-то волшебный жезл. – Я здесь прокурор. И я раздавлю эту мелкую воровку.

Затем он попытался повторить моё маленькое выступление. Обратившись к толпе и медленно двинувшись по кругу, Лепесток провозгласил:

– Эта крыска воровала на нашей территории. А значит, она крала у нас. Стало быть, сделаем так, чтобы она больше ни у кого не смогла украсть!

– Возражаю! – рявкнула я, прежде чем публика успела приветственными криками поддержать сей изошрённый юридический аргумент. – Обвинение в воровстве должно быть предъявлено в процессе *tuta a lebat*. Иначе это будет мерзкая клевета, как всем известно.

– Да, это всем известно, – хихикая согласился магистрат.

– Прекрасно, – сказал Лепесток, бросив на главаря банды взгляд, суливший расплату за это предательство. – Не важно. Кулаком, ногами или этой дурацкой палкой. В любом случае я разорву тебя на мелкие кусочки, крыска.

В ответ я улыбнулась.

– Если мир справедлив, то не сомневаюсь, что так и будет.

Магистрат вмешался, желая убедиться, что он по-прежнему руководит представлением.

– Начинаю отсчёт. Да будет лебат, и пусть боги решат вашу судьбу! Три...

Как я уже говорила: справедливость – это набор правил. Их сочиняют люди, чтобы приспособить природу к своим собственным представлениям о том, как должен выглядеть мир.

– Два...

Живя по ту сторону законов достаточно долго, вы осознаёте, что общество, которое они создают, так же жестоко и несправедливо, как и сама природа.

– Один.

Но время от времени... Если понять, как хоть чуть-чуть повернуть эти законы в нужном направлении... Вы сами устанавливаете правила.

– Бой! – скомандовал магистрат.

Глава 14. Tuta a lebat

– Она грязная крыса-воришка! – Лепесток ринулся ко мне. Палка, которую он держал на уровне плеч, должна была вот-вот раздробить мне череп.

Очень легко опознать человека, который никогда не обучался фехтованию: он пытается ударить вас мечом так, как будто это дубинка. Я, конечно, тоже не была экспертом, и в любом реальном бою – даже с использованием настоящих рапир или шпаг – противник убил бы меня в считанные секунды. Но я установила правила поединка, и это значило, что все инстинкты Лепестка будут работать против него. В то время как мои пусть и невеликие навыки послужат мне на благо.

Если бы сэр Розарита наблюдала за мной в этом подвале, она бы разочарованно закатила глаза при виде неуклюжей *tei passo*. В сущности, это был не столько диагональный выпад с уклонением, сколько панический нырок вниз. В итоге я оказалась на карачках под ногами Лепестка, едва удержав палку. Толпа смеялась надо мной, а Лепесток закричал:

– Гляньте на трусиху! Давай, дерись, крыска!

Я в первую очередь думала не о драке. Было ясно, что Лепесток не остановится, пока не искалечит меня. Вот чего не знают богатые утончённые люди о тех из нас, кто живёт на улице: мы, может, прочли не так много книг, зато настоящие профи в причинении друг другу боли, которую не исцелить.

Лепесток обернулся к магистрату.

– Может, кончим этот фарс, Рудгер? Твой глупый суд ставит в дурацкое положение всю банду.

Я не стала ждать решения. Вместо этого вскочила и закричала:

– Я отвергаю это обвинение и вот чем докажу!

С этими словами я сделала выпад, целясь прямо в живот Лепестка. Тот конечно же ждал атаки и был готов парировать удар. К чему он готов не был – так это к тому, что я не собиралась бить его в живот, поскольку именно его человек защищает в первую очередь. В последний момент я опустила кончик палки и ткнула Лепестка в незащищённую босую ногу.

Лорд Джервас всегда называл такие приёмы «глупостью самозванца»; хотя они могут выглядеть впечатляюще и принести вам очко на фехтовальной дорожке, ни один настоящий дуэлянт не рискнёт подставить голову, чтобы дотянуться до пальцев ног. Я была склонна согласиться, но Розарита придерживалась иной философии: «Бей куда угодно, моя дорогая. Просто убедись, что сумеешь пустить кровь».

Я не занималась фехтованием с того дня, как оставила обломок её шпаги в пещере Мет-астиса и Сокола. Выпад оказался слишком резким, и я потеряла равновесие. Обычно это фатальная ошибка, но сейчас мне повезло: я хорошо прицелилась и вложила в удар всю свою силу. Даже если бы кончики наших палок не были заострены, моя атака оказалась бы весьма болезненной. Так или иначе, когда я вытащила палку из ноги Лепестка, её кончик был в крови.

– Ах ты мелкая сучка! – взревел он и рванулся ко мне. Лепесток не представлял, сколько боли причинит ему травмированная нога, и споткнулся, сделав первый же шаг. Он протянул руку, пытаясь схватить меня, но теперь я была готова. Быстрый лёгкий удар – и кончик моей палки вспорол ему предплечье, оставив ярко-алую царапину. Сама не знаю почему, но я вдруг произнесла – с пафосом, так присущим мастеру Финусу:

– Сучка – не лучший способ обращаться к молодой девице!

«Не стой у него на пути», – напомнила я себе. Чем сильнее Лепесток бесился, тем настойчивее пытался сократить расстояние между нами. Я отпрыгнула на несколько футов, но Лепесток оказался не таким идиотом, как я надеялась. Он не кинулся на меня, а встал, согнув колени

и копируя мою позу. В общем, принял стойку, которую сэра Розарита сочла бы вполне сносной *garda basa*.

– Я повторяю снова, – раскатился по подвалу его грубый баритон. – Она крыса, которая воровала на нашей территории. Штраф – один сломанный палец за каждую украденную медную монету.

Весьма прискорбно. Мое пальто стоило значительно больше десяти медяков.

Поняв, что я не в своей тарелке, Лепесток ухмыльнулся и прибавил:

– И сломанная рука за каждую серебряную монету.

Подобное пальто – я была так влюблена в него, что казалось правильным дать ему имя, прежде чем Лепесток изобьет меня до полусмерти и заберёт его, – стоило, вероятно, около двадцати серебряных. Лепесток просто не найдёт столько конечностей, чтобы их переломать.

– Как по мне, это чуточку многовато для первого раза, – сказала я, помахивая палкой, чтобы раззадорить его и заставить кинуться в атаку. – Интересно, а какой штраф полагается за ложное обвинение в столь тяжком проступке?

Смех толпы сделался приглушённым и беспокойным. Им стало скучно. Мудрый Лепесток почувствовал это и рассудил, что, если заставит меня подойти ближе, его длинные руки снова будут работать ему на пользу. А если я промедлю, публика занервничает и все мои витиеватые фразы будут позабыты ради старого доброго избиения.

«Повесели их», – напомнила я себе.

Всего-то. Вечернее развлечение, которое поможет забыть о повседневных невзгодах.

– Прокурор называет меня воровкой, – начала я и двинулась по кругу, вынуждая Лепестка либо развернуться на пятках, либо оставить незащищенный фланг. – Но чем он докажет своё обвинение?

– Ты украла пальто в ателье «Тунико Спландира» в Игольном переулке, – ответил он. – Это наша территория.

Я изобразила недоумение.

– О каком-то пальто талдычит прокурор? – спросила я, делая вид, что в ужасе оглядываюсь по сторонам. – Пусть предоставит его в качестве улики.

Лепесток, воспользовавшись тем, что я отвернулась, ухватился за эту возможность и бросился на меня, пытаясь ударить в лицо. Жестоко. И в данном случае – неэффективно.

Я отпрянула назад, заставив его тяжело опереться на раненую ступню. Может, сэра Розарита всё-таки была права насчёт ударов по ногам?.. Лепесток скривился от боли, но устоял и на сей раз удержался от вскрика. Я немедленно ответила сдвоенной атакой, которая, вероятно, выглядела как довольно неуклюжий кроличий прыжок. За ней последовал выпад – очень длинный и нацеленный в правое бедро противника. Но я не преуспела. Я была слишком осторожна, а на дуэли это почти так же плохо, как и безрассудство. Лепесток парировал удар, едва не выбив палку у меня из рук.

– Возражение отклонено, – заявил магистрат, возвращаясь к игре. – Суд ожидает подтверждений воровства на нашей территории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.